

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 18 / 2017

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;
Бабич И.Л., д.и.н.;
Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,
Почетный работник юстиции России;
Мельников С.А., д.ю.н.;
Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;
Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;
Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;
Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;
Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;
Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор;
Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;
Зенин С.С., к.ю.н.;
Клименко А.И., д.ю.н., доцент;
Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;
Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,
Белых В.С.,
Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию
статей не взимается.

Правовые доктрины и правовая практика: опыт истории

- Беляева О.М.** Теория разделения властей
и концепция неотчуждаемых (естественных)
прав человека через призму учения Дж. Локка..... 3
- Переседов А.М.** Восприятие отечественными
государствоведами конституционных реформ начала
XX века, направленных на установление
разделения властей в Российской империи 9
- Яковец Е.Н.** Как в современных условиях повысить
эффективность профессионального сыска?..... 14
- Шелахаев А.А.** Генезис термина
«национальная безопасность» 19
- Федин И.Г.** Общее понимание добросовестности 24
- Горбачев В.П.** Прокурорское дознание
в Российской империи..... 29
- Ваганов А.М.** Особенности правовой системы
советской России (1917 — 1920-х годов) 34
- Попов М.С.** Концессии в Советском государстве
(1917–1937 гг.) 40

Из истории конституционного строительства: зарубежный опыт

- Коновалова А.Г.** «Классический» парламентаризм
XIX века в Великобритании 45
- Сулейманов А.В.** Франция, Бельгия, Нидерланды
и становление государственности Люксембурга..... 49
- Стрижаков И.В.** Канцлер Англии в Средние века
и раннее Новое время..... 55
- Почкаев Р.Ю.** Из рабов в господа: «карьера» русских
пленников в среднеазиатских ханствах XVIII–XIX вв. 58

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
Формат 170x252 мм. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.
Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.
Номер подписан в печать 18.08.2017.
Номер вышел в свет 28.09.2017.
Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы: Роспечать — 47643;
Каталог российской прессы — 10866;
Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).
Также можно подписаться на www.gazety.ru
Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.
Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов
без письменного разрешения авторов статей
или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной
комиссией Министерства образования
и науки Российской Федерации для публикации
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 18 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Legal Doctrines and Legal Practice:

Historical Experience

- Belyaeva O.M.* Theory of Separation of Powers and Concept of Inalienable (Natural) Human Rights from Perspective of John Locke's Theory 3
- Peresedov A.M.* Perception by National Political Scientists of Constitutional Reforms of Early XX Century Aimed at Establishment of Separation of Powers in the Russian Empire 9
- Yakovets E.N.* How to Raise Efficiency of Professional Investigation in Contemporary Conditions? 14
- Shelakhaev A.A.* Genesis of National Security Term 19
- Fedin I.G.* General Understanding of Good Faith 24
- Gorbachev V.P.* Prosecutorial Interrogation in the Russian Empire 29
- Vaganov A.M.* Peculiarities of Legal System of Soviet Russia (1917–1920) 34
- Popov M.S.* Concessions in the Soviet State (1917–1937) 40

From the History of Constitutional State Building: Foreign Experience

- Konovalova L.G.* "Classical" Parliamentaryism in Great Britain of XIX Century 45
- Suleymanov A.V.* France, Belgium, the Netherlands and Establishment of Statehood of Luxembourg 49
- Strizhakov I.V.* Chancellor of England in the Middle Ages and Early Modern Times 55
- Pochekaev R.Yu.* From Slaves to Masters: "Career" of Russian Captives in Central Asian Khanates in XVIII–XIX Centuries 58

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 18.08.2017.
Issue was published 28.09.2017.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Теория разделения властей и концепция неотчуждаемых (естественных) прав человека через призму учения Дж. Локка

*Беляева Ольга Маратовна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
olga.beliaeva@mail.ru*

Главной целью объединения людей в государство, по мысли Дж. Локка, было сохранение их жизни, свободы и собственности. Концепция естественных прав человека и теория разделения властей составляют сердцевину политического учения Локка. Локк последовательно отстаивал идеи договорного происхождения государства, характеризовал догосударственное состояние как состояние свободы и равенства людей, подвергал критике абсолютную монархию как форму правления, писал о праве народа на восстание в случае узурпации власти.

Ключевые слова: неотчуждаемые (естественные) права человека, теория разделения властей, общественный договор, государство, гражданское общество.

Theory of Separation of Powers and Concept of Inalienable (Natural) Human Rights from Perspective of John Locke's Theory

*Belyaeva Olga M.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Kazan (Volga Region) Federal University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

In J. Locke's opinion, the main aim of people consolidation in the form of state was to preserve their lives, freedoms and properties. The conception of natural human rights and the theory of separation of powers form the core of Locke's political doctrine. Locke steadily defended the ideas that the origin of any state is based on treaty; he described the pre-state status as the status of freedom and human equality; he criticized absolute monarchy as a form of government; he wrote of the a nation's right to rebel in case of the authority's usurpation.

Key words: inalienable (natural) human rights, the theory of separation of powers, social contract, state, civil society.

Джон Локк (1632–1704 гг.) — английский политический мыслитель, представитель классического либерализма, основатель эмпиризма, противник абсолютизма, сторонник конституционной парламентской монархии, теоретик неотчуждаемых прав человека и разделения властей.

Основные работы: «Два трактата о государственном правлении» (1690), «О медицинском искусстве» (1669), «Опыты о законах природы» (1662–1664), «Некоторые мысли об образовании» (1693) и др.

Как отмечают некоторые исследователи¹, социальная, а затем и политико-правовая философия Локка развевывалась и

обосновывалась им вне всякого соприкосновения с юриспруденцией. Государственно-политические рассуждения Локка лишены какой-либо исторической, тем более конкретно юридической аргументации — скорее это постулаты, основанные на членении и анализе собственно понятий. «Отчетливая постановка вопроса сводится лишь к тому, чтобы отделить и расчлнить отдельные части вопроса и расположить их в расчлененном таким образом виде в должном порядке. Уже это одно без всяких дальнейших хлопот часто разрешает сомнение и показывает уму, где лежит истина», — пишет Локк.

Локк решительно отверг патриархальную теорию происхождения государства, обоснованную другим английским автором

¹ Омельченко О.А. История политических и правовых учений (История учений о государстве и праве). М.: Эксмо, 2006. С. 273.

Р. Фильмером («Патриарх: защита естественной власти королей против неестественной власти народа»), сформулировав постулаты договорной теории происхождения государства. Так, Фильмер в своей работе обосновывал тезис о том, что только абсолютная монархия может быть единственной формой государственного правления («Адам был абсолютным монархом, и таковы же все государи с того времени»).

Локк же категорически отвергал абсолютную монархию, считая, что она «несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления» и «вообще не есть даже воплощение государства». Монархия противоречит общественному договору уже по той причине, что суть последнего — в установлении людьми равного для всех суда и закона, а над абсолютным монархом судьи вообще нет, он сам судья в собственных делах, что противоречит естественному праву и закону. Локк использует в качестве аргументации «доказательство от противного» — «ведь нельзя предполагать, чтобы какое-либо разумное существо сознательно изменило свое состояние на худшее».

Дж. Локк считает, что форма правления зависит от того, в чьих руках находится законодательная власть. В соответствии с этим выделяются демократия, олигархия и монархия; возможны также сложные и смешанные формы правления. Исторически первой формой правления была монархия².

Государство, по Локку, есть совокупность людей, соединившихся в одно целое под верховенством ими же установленно-го общего закона³. «Великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности»⁴. «Люди вступают в соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собствен-

ностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо, не являющийся членом общества».

Государство образуется только путем добровольного соглашения о создании единого политического организма, в котором все решается в соответствии с демократическими процедурами (по воле большинства). Таким образом, начало законному правлению дает договор — соглашение любого числа свободных людей, способных образовать большинство, на объединение в единое политическое общество⁵.

В работе «Два трактата о правлении» мыслитель обосновывает идею естественных, неотчуждаемых прав человека, существующих в догосударственном обществе. К их числу Локк относит жизнь, свободу, равенство и частную собственность.

Локк постулирует в своих работах, что рабство является отвратительным и жалким состоянием человека, противным истинному человеческому существу, поэтому сохранение данного института в государстве недопустимо.

В отличие от Т. Гоббса, который рассматривал естественное (догосударственное) состояние как «войну всех против всех», Локк характеризует этот период как царство свободы и равенства — «состояние полной свободы в отношении их (людей) действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо лица и не завися от чьей-либо воли», а также это «состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, — никто не имеет больше другого»⁶.

Тем самым Локк постулировал очень важное для социально-правовой философии последующего Просвещения положение: справедливость как основа нравственности дана человеку от природы⁷. «Поскольку все люди равны и независимы,

² История государственно-правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. М. : Спарк, 2006. С. 212.

³ Рубаник С.А. История политических и правовых учений. Академический курс. М. : Юрайт, 2012. С. 147.

⁴ История государственно-правовых учений : хрестоматия / авт.-сост. С.В. Липень ; под ред. В.В. Лазарева. М. : Спарк, 2006. С. 257.

⁵ История государственно-правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. С. 209.

⁶ Малахов В.П. История политических и правовых учений. М. : Академический Проект, 2003. С. 260.

⁷ Омельченко О.А. История политических и правовых учений (История учений о государстве и праве). С. 274.

постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого; ибо все люди созданы одним всемогущим и бесконечно мудрым творцом»⁸.

Вместе с тем естественное (догосударственное) состояние имеет три недостатка:

1) «нет установленного, определенного, известного закона, который был бы признан и допущен по общему согласию в качестве нормы справедливости и несправедливости»;

2) «нет знающего и беспристрастного судьи»;

3) «недостает часто силы, которая могла бы подкрепить и поддержать справедливый приговор и привести его в исполнение»⁹.

Только государство, по мнению Локка, позволяет людям преодолеть все недостатки естественного состояния и обеспечить индивидам неотчуждаемый характер естественных прав.

Вместо частного правосудия устанавливаются беспристрастные правила и наделенные властью публичные учреждения. Каждый уполномочивает общество создавать законы в соответствии с общим благом и интересом, которые обязуются соблюдать каждый гражданин. Именно этот волевой акт переводит естественное общество в государственное состояние.

Причем целью объединения людей в государство является обеспечение за каждым человеком его естественных прав на собственность — жизнь, свободу и имущество. Самозащита каждым человеком своих естественных прав и требований закона природы при переходе от естественного состояния к государству заменяется публичной защитой прав и свобод личности политической властью¹⁰.

Локк обозначает совокупность основных прав человека как право собственности (т.е. право на свое, собственное). Так, он замечает, что каждый человек по закону природы имеет право отстаивать «свою собственность, т.е. свою жизнь, свободу и имущество»¹¹; «ради взаимного сохра-

нения своих жизней, свобод и владений, что я называю общим именем «собственность»¹².

Собственность у Локка — это нечто неразрывно связанное с личностью: «То, что человек извлек из предметов, созданных и предоставленных ему природой, он слил со своим трудом, с чем-то таким, что ему неотъемлемо принадлежит, и тем самым делает это своей собственностью»¹³. Соответственно, «коль скоро люди не равны по трудолюбию, способностям, бережливости — собственность не может быть равной».

Локк отвергает представления о свободе и законе как противоположных, несовместимых и взаимоисключающих явлениях, обоснованию чего много усилий посвятил Гоббс. Критикуя подобные представления, Локк замечает: «Несмотря на всевозможные лжетолкования, целью закона является не уничтожение и не ограничение, а сохранение и расширение свободы. Ведь во всех состояниях живых существ, способных иметь законы, там, где нет законов, там нет и свободы». Закон как выражение свободы как раз и демонстрирует правовую природу и правовой характер закона в локковской его трактовке¹⁴.

«Основной целью вступления людей в общество, — пишет Локк, — является стремление мирно и безопасно пользоваться своей собственностью, а основным орудием и средством для этого служат законы, установленные в данном обществе»¹⁵. Иными словами, переходя от естественного состояния к государству, люди не отказываются от своей свободы и от естественных (неотъемлемых) прав.

Локк отмечает, что в естественном состоянии «не хватает установленного, определенного, известного закона, который был бы признан и допущен по общему согласию в качестве нормы справедливости и несправедливости и служил бы тем общим мериллом, при помощи которого раз-

⁸ История государственно-правовых учений: хрестоматия. С. 253.

⁹ Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. М.: Высшее образование; Юрайт-Издат, 2009. С. 125.

¹⁰ Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2007. С. 280–281.

¹¹ Там же. С. 280.

¹² История государственно-правовых учений: хрестоматия. С. 257.

¹³ Рубаник С.А. История политических и правовых учений. С. 147.

¹⁴ Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. С. 283.

¹⁵ История государственно-правовых учений: хрестоматия. С. 259.

решались бы между ними (людьми) все споры»¹⁶.

Если Т. Гоббс полагал, что индивиды, заключая общественный договор, отказываются от своих естественных прав в пользу суверена, Локк считал иначе: государство преодолевает недостатки естественного состояния, обеспечивая индивидам возможность реализовывать свои естественные права¹⁷.

«Свобода человека в обществе заключается в том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве, и не находится в подчинении чьей-либо воли и не ограничен каким-либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием... Свобода людей в условиях существования системы правления заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной в нем; это — свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и быть независимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека»¹⁸. Вообще понятие свободы занимает ключевое место в учении Локка и служит краеугольным камнем для политического либерализма как направления политико-правовой мысли.

В учении Локка, таким образом, речь идет не только о договорном происхождении государства, но и о договорно обусловленном характере его сущности и деятельности, а также о договорной форме установления гражданства применительно к каждому отдельному человеку. Такая концепция договорных отношений между народом в целом и индивидами, с одной стороны, и государством в целом и отдельными государственными властями — с другой, предполагает взаимные права и обязанности договаривающихся сторон, а не одностороннее абсолютное право государства и бесправие подданных, как это име-

ет место в гоббсовской интерпретации договорной теории учреждения государства¹⁹.

Законы, издаваемые государством, при этом должны соответствовать велениям естественного (природного) закона. Более того, существующие законы, по мысли Локка, настолько справедливы, насколько соответствуют предписаниям естественного права. Закон выступает у Локка как акт, указывающий индивиду способ поведения, наиболее отвечающий как его собственным интересам, так и интересам общества.

Интересно, что Локк в своих работах различал такие понятия, как государство и гражданское общество, соотнося их как форму и содержание. Мыслитель пишет: «Цель гражданского общества состоит в том, чтобы избежать и возмещать те неудобства естественного состояния, которые неизбежно возникают из того, что каждый человек является судьей в своем собственном деле. Это достигается путем установления известного органа власти, куда каждый член этого общества может обратиться, понеся какой-либо ущерб или в случае любого возникшего спора, и этому органу должен повиноваться каждый член этого общества»²⁰.

В качестве гарантий неотчуждаемости естественных прав, по мнению Локка, выступают: реализация принципа разделения властей и проведение системы сдержек и противовесов в деятельности государственного аппарата; признание за народом права на сопротивление деспотической власти правителей или парламента (вплоть до вооруженного восстания) и ограничение объема законодательной власти. Высказанная Локком идея неотчуждаемости народного суверенитета нашла дальнейшее развитие в трудах другого мыслителя Ж.-Ж. Руссо.

О разделении властей. В государстве Локк выделял такие ветви власти, как законодательная, исполнительная и федеративная. Федеративная — эта та же исполнительная ветвь власти, писал Локк, но осуществляемая не внутри страны, а на международной арене. Ее необходимость (федеративной ветви власти) мыслитель

¹⁶ Там же. С. 257.

¹⁷ Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. М.: Проспект, 2007. С. 107.

¹⁸ Правовая мысль: Антология / науч. ред.-сост. В.П. Малахов. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 164.

¹⁹ Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. С. 282.

²⁰ История государственно-правовых учений: хрестоматия. С. 255–256.

обосновывал тем, что государства в отношении между собой подобны отдельным личностям в догосударственном состоянии, не имеющим над собой правительства. Объем федеративной власти предполагает разрешение таких вопросов, как: «право войны и мира, право участвовать в коалициях и союзах, равно как и право вести все дела со всеми лицами и сообществами вне данного государства»²¹.

Законодательная власть мыслилась как временная, которая функционирует непродолжительное время, исполнительная и федеративная ветви власти действуют непрерывно. Вместе с тем законодательная ветвь должна быть верховной по отношению к исполнительной и федеративной властям. «Поскольку законодательная власть является законодательной в обществе лишь потому, что она обладает правом создавать законы для всех частей и для каждого члена общества, предписывая им правила поведения и давая силу для наказания, когда они нарушены, постольку законодательная власть по необходимости должна быть верховной и все остальные власти в лице каких-либо членов или частей общества проистекают из нее и подчинены ей».

Среди полномочий парламента Дж. Локк называет законодательную функцию (монопольное право на законотворчество) и учредительную функцию (назначение судей). Исполнительная власть призвана всячески уравнивать законодательную власть. При этом глава исполнительной власти обладает исключительными полномочиями (прерогативами). Среди них: право распустить и созвать парламент, право вето, право законодательной инициативы, право в интересах общего блага совершенствовать избирательную систему для более равного и пропорционального представительства²².

Локк подчеркивал недопустимость сосредоточения в одних руках законодательной и исполнительной ветвей власти («законодательную и исполнительную власть часто надо разделять»). Вместе с тем законодательная власть лучше всего предохранена от злоупотреблений, если доверена коллегиальному органу — собранию, «состав которого меняются, а члены которого

после роспуска подчиняются общим законам своей страны».

Необходимо отметить, что Локк, неоднократно рассматривая вопросы о суде в своих работах, все-таки не выделил судебную ветвь власти в отдельную, самостоятельную ветвь государственной власти. Судебная власть поглощается у Локка исполнительной.

Теория разделения властей лишь в последующем обретает нынешние очертания в работах Ш.-Л. Монтескье, став краеугольным камнем в политическом учении либерализма. Вместе с тем Локк фактически прописывает в работе «Два трактата о правлении» принцип сдержек и противовесов, сформулированный известным французским мыслителем.

Как мы видим, политическим идеалом государственности у Локка служит конституционная монархия по типу английской дуалистической монархии XVII в.

В политическом учении Локка явно прослеживается идея о пределах государственной власти — юрисдикция государства может простирается только на то, что связано с задачами государства. «Власть общества или созданного людьми законодательного органа никогда не может простирается далее, нежели это необходимо для общего блага»²³, — пишет Локк. Так: «Гражданскому правителю забота о спасении души принадлежит не более чем остальным людям. И Бог не поручал ему этого, ибо нигде не сказано, что Бог предоставил людям право насильно заставлять других людей принимать чуждую им религию. И люди не могут предоставить правителю такого рода власть, ибо никто не может в такой степени пренебрегать заботой о вечном спасении... Ибо никто не может верить по указанию другого...»

Концепция неотчуждаемых естественных прав человека, разработанная Дж. Локком, в дальнейшем была использована Т. Джефферсоном при написании Декларации независимости США (1776 г.), получив наименование триады естественных прав человека. Вместе с тем локковская связка («жизнь, свобода, собственность») была несколько трансформирована и закреплена в следующей редакции: «жизнь, свобода и стремление к счастью». Тем самым теория прав Локка послужила ориентиром для

²¹ Там же. С. 264.

²² Мухаев Р.Т. История политических и правовых учений. М.: Приор-издат, 2004. С. 223.

²³ Малахов В.П. История политических и правовых учений. С. 263.

авторов американской конституции, а концепция разделения властей нашла закрепление во всех европейских конституциях, но прежде всего — во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

Немаловажен и тот факт, что впервые в истории правовой мысли проблема со-

отношения естественного и гражданского закона (или естественного и позитивного права) решалась Дж. Локком с помощью концепции правового закона²⁴.

²⁴ Мухаев Р.Т. История политических и правовых учений. С. 226.

Литература

1. История государственно-правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. М. : Спарк, 2006. 672 с.
2. История государственно-правовых учений : хрестоматия / авт.-сост. С.В. Липень ; под ред. В.В. Лазарева. М. : Спарк, 2006. 1071 с.
3. Малахов В.П. История политических и правовых учений / В.П. Малахов. М. : Академический Проект, 2003. 624 с.
4. Марченко М.Н. История политических и правовых учений / М.Н. Марченко, И.Ф. Мачин. М. : Проспект, 2007. 495 с.
5. Мачин И.Ф. История политических и правовых учений / И.Ф. Мачин. М. : Высшее образование ; Юрайт-Издат, 2009. 412 с.
6. Мухаев Р.Т. История политических и правовых учений / Р.Т. Мухаев. М. : Приор-издат, 2004. 608 с.
7. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений / В.С. Нерсесянц. М. : Норма, 2007. 704 с.
8. Омельченко О.А. История политических и правовых учений (История учений о государстве и праве) / О.А. Омельченко. М. : Эксмо, 2006. 576 с.
9. Правовая мысль : антология / науч. ред.-сост. В.П. Малахов. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. 903 с.
10. Рубаник С.А. История политических и правовых учений. Академический курс / С.А. Рубаник. М. : Юрайт, 2012. 477 с.

Восприятие отечественными государствоведами конституционных реформ начала XX века, направленных на установление разделения властей в Российской империи

*Переседов Алексей Михайлович,
старший юрист-аналитик
Центра экспертизы и аналитики
проблем предпринимательства
Общероссийской общественной организации малого и среднего
предпринимательства «ОПОРА РОССИИ»
Peresedov.alexey@yandex.ru*

Автор настоящей статьи анализирует мнение отечественных либеральных правоведов относительно проявления принципа «разделения властей» на практике в исторических рамках периода начала XX в. Автор видит свою задачу в том, чтобы исследовать восприятие основных реформ, проводимых государственной властью и тесно связанных с распределением властей, со стороны отечественных либеральных государствоведов Российской империи начала XX в.

Ключевые слова: разделение властей, Основные государственные законы 23 апреля 1906 г., Положение о выборах 3 июня 1907 г.

Perception by National Political Scientists of Constitutional Reforms of Early XX Century Aimed at Establishment of Separation of Powers in the Russian Empire

*Peresedov Aleksey M.,
Senior Legal Analyst of the Centre for Expert Evaluation and Analytics of Entrepreneurial Issues
of the All-Russian Public Organization of Small- and Medium-Sized Enterprises OPORA ROSSII*

The author of this article analyzes the opinion of domestic liberal jurists regarding the manifestation of the principle of “separation of powers” in practice in the historical framework of the early twentieth century. The author sees his task in studying the perception of the main reforms carried out by the state power and closely connected with the distribution of powers on the part of the domestic liberal state scientists of the Russian Empire of the early 20th century.

Key words: Separation of powers, the Main state laws on April 23, 1906, the Provision on elections June 3, 1907.

Разделение властей представляется особо интересным для изучения феноменом, поскольку распределение всей полноты государственной власти, создавая необходимую систему сдержек и противовесов между отдельными ветвями власти и тем самым предотвращая ограничение свободы со стороны излишней концентрации власти, является краеугольным камнем концепции правового государства.

Идеи отечественных либеральных правоведов полезны не только в качестве объекта исторического изучения, но и могут служить

теоретической основой для всестороннего анализа и исследования принципа разделения властей, содержащегося в Конституции современного Российского государства. Так, несмотря более чем на вековую давность, рассуждения государствоведов относительно разделения властей и системы сдержек и противовесов по-прежнему остаются весьма полезными и могут быть использованы при реформировании современной политической системы Российской Федерации, поскольку даже в настоящее время вопрос о взаимном сдерживании и контроле между

законодательными, исполнительными и судебными органами сохраняет свою актуальность.

В начале XX в. предпринимается попытка модернизации государственно-правовой системы России. Это был вариант правовой модернизации с сохранением преемственности власти. В начале XX в. Российская империя все еще являлась абсолютной монархией, что уже не соответствовало тенденциям развития государственности в ведущих европейских странах. По мнению Б.Н. Чичерина, в Западной Европе «исключительное господство монархического начала» уступило место уже иной форме, где «власть монарха была ограничена народным представительством»¹. Нельзя не отметить, что, несмотря на то что монархия в начале XX в. все еще оставалась самой распространенной формой государства в мире — в Европе, кроме Франции и Швейцарии, все государства были монархиями, — но к началу XX в. конституций не имели только Россия и Турция.

Наконец, 23 апреля 1906 г. произошло знаменательное событие — Николай II октроировал Основные государственные законы Российской империи (далее — ОГЗ), которые многими признавались российской конституцией. В рамках настоящего исследования данный акт интересен тем, что в ст. 7 прямо указывалось на совершившееся разделение властей: «Государь император осуществляет законодательную власть с Государственным советом и Государственной думой». С этого времени отдельные положения ОГЗ подверглись тщательному изучению и толкованию. Выполнение этой нелегкой задачи взяли на себя либеральные государственные деятели России.

Следует заметить, что в Российской империи начала XX в. официальное закрепление системы монархического конституционализма было осуществлено целым рядом правовых актов, однако важнейшим из них следует считать именно ОГЗ, так как именно данный документ, по мнению многих государствоведов, отвечал критериям первой российской конституции. Впервые термин «конституция» стал использоваться применительно к новой редакции ОГЗ в статьях либеральных правоведов и конституционалистов в 1906–1908 гг., а также в курсах по государственному и конституционному пра-

¹ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 125.

ву и приобрел со временем статус общепринятого в среде кадетов и октябристов. Таким образом, в российском государствоведении думского периода термин «конституция» применялся довольно широко для идентификации изданных в 1906 г. ОГЗ. Стоит отметить, что некоторые конституционалисты (например, В.М. Гессен, Н.И. Лазаревский) утверждали о появлении в России конституции².

Учитывая вышеуказанное, очевидно, что та правовая форма, которая устанавливалась в России после вступления в силу ОГЗ, порождала определенные сложности отношения российской государственности начала XX в. к какому-либо определенному типу. Это объяснялось внутренним противоречием ОГЗ (одновременное сочетание института народного представительства с самодержавной властью, сохранившей большую часть своих привилегий и полномочий, т.е. одновременное сочетание конституционных и абсолютистских норм).

Описанное обстоятельство давало повод консервативно настроенным государоведам охарактеризовать установившийся политический строй после 23 апреля 1906 г. лишь как измененный императорский строй, главные составляющие которого: верховенство в государстве монарха и самодержавие царской власти — остались нетронутыми³.

В то же время ряд либеральных государствоведов квалифицировали ОГЗ как новый этап в развитии Российской империи как конституционной монархии. Обосновывая данный факт, правоведы высказывали мысли о свершившемся ограничении монарха правом, а также о разделении всей полноты государственной власти между императором и народным представительством в лице Государственной думы. Используя в качестве доказательства положение «монарх — один из органов государства», Н.И. Лазаревский писал: «Законодательная власть более не осуществляется единолично, но исходя из положений ОГЗ Государственная дума в части принятия законов стоит выше Императора»⁴.

² Гессен В.М. Основы конституционного права. 2-е изд. Петроград, 1918; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. СПб., 1908. С. 111, 112.

³ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007. С. 570.

⁴ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Петроград, 1917. Т. 1. С. 168.

Стоит заметить, что, обсуждая возможное разделение властей в Российской империи после 23 апреля 1906 г., либеральные государствоведы вынуждены были толковать термины «самодержавный» и «неограниченный», содержащиеся в отдельных положениях ОГЗ.

Подтверждая вышеуказанное, Н.И. Палиенко, указывал, что положения ОГЗ закрепили основание установления в Российской империи конституционной монархии, но с одновременной гарантией суверенитета императора, что проявлялось «не в смысле абсолютизма власти монарха, а относительно верховенства среди других органов власти»⁵. В целом Н.И. Палиенко придерживался мнения, что ОГЗ лишь закрепляли необходимые предпосылки для формирования конституционного государства.

В противовес ему Н.И. Лазаревский писал: «Не имеет значения, носит ли власть Императора титул самодержавной или нет, так как важны не сами отдельные положения законов, а тот смысл, который в них вкладывается законодателем»⁶.

С.А. Котляревский придерживался аналогичного мнения, при этом указывая, что авторами ОГЗ была закреплена уникальная конструкция — глава государства является субъектом государственной власти⁷. В целом правовед выражал мнение, что ОГЗ по содержанию были близки с конституциями Пруссии 1850 г. и Японии 1889 г., так как последние также представляли собой октроированные акты⁸. О том, что Россия стала конституционной монархией с явными признаками разделения, писал и А.А. Алексеев, который в результате анализа положений ОГЗ пришел к выводу, что хотя воля российского монарха все еще играет достаточно важную роль, это вовсе не помешает органам законодательной и исполнительной власти осуществлять свою деятельность исходя из интересов народа⁹.

Вместе с тем в процессе наблюдения за правоприменительной практикой А.А. Алексеев был вынужден озвучить известное мне-

ние: «Государственная Дума остается ограниченной в правах, и исполнительной властью неоднократно допускаются случаи покушений на права народного представительства»¹⁰. Доказательством слов государствоведа являлась сложившаяся практика применения ст. 87 ОГЗ, закреплявшая порядок издания чрезвычайных указов. Правовед констатировал: «В интерпретации исполнительной власти утрачивается истинный характер указов, и, таким образом, они могут превращаться в средство, с помощью которого правительственная власть вторгалась в сферу власти законодательной»¹¹.

В заключение стоит отметить позицию, которая бы наиболее отвечала реалиям, сложившимся после принятия ОГЗ 23 апреля 1906 г., и принадлежавшую В.А. Маклакову. Признавая за ОГЗ их конституционную направленность, он описывал сложившуюся после их принятия обстановку как конституционную дуалистическую монархию, так как российский монарх, выступающий в качестве главы исполнительной власти, и Государственная Дума представляли собой две ветви власти, находящиеся в шатком равновесии¹². При этом В.А. Маклаков отмечал, что в Российской империи государственная власть осуществляется с помощью средств, которые характерны скорее для абсолютной монархии¹³.

Единоличное одобрение Николаем II нового проекта положения о выборах в орган законодательной власти вызывало не меньше обсуждений, чем октроирование ОГЗ. По сути, императором были нарушены положения, закрепленные в ст. 86 ОГЗ, гласившие, что никакой закон не мог быть принят без надлежащего одобрения со стороны Государственного Совета и Государственной Думы, а также положения ст. 87 ОГЗ, запрещавшие монарху единолично вносить изменения в акты о выборах в орган законодательной власти путем опубликования своих указов даже в чрезвычайных обстоятельствах.

В этой связи помимо восприятия правоведами ОГЗ особый интерес также представляют оценка и реакция академической среды на государственный переворот 3 ию-

⁵ Палиенко П.И. Основные законы и форма правления в России. Харьков, 1910. С. 70.

⁶ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. С. 168.

⁷ Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов. СПб., 1912. С. 202.

⁸ Дзидзоев Р.М. Первый конституционный документ России // Государство и право. 1997. № 6. С. 114.

⁹ Алексеев А.А. Министерская власть в конституционном государстве. Харьков, 1910. С. 257.

¹⁰ Алексеев А.А. К вопросу об эволюции русских конституционных законов. Ярославль, 1911. С. 12.

¹¹ Там же. С. 13.

¹² Маклаков В.А. Первая Государственная Дума: Воспоминания современника. 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 239.

¹³ Там же. С. 240.

ня 1907 г. Сразу стоит отметить, что отдельных государствоведов особенно интересовал не сам переворот, не мотивы действий правительства, а характер установившейся формы правления и долговременные перспективы развития политической системы и государственного механизма. Разумеется, каждый ученый отвечал на эти вопросы исходя из собственного понимания глубины и степени завершенности конституционных преобразований, а также состояния международного конституционного права.

Как уже было упомянуто, значительное число правоведов пришли к выводу, что в 1905–1906 гг. в Российской империи окончательно оформилась конституционная монархия¹⁴. И Манифест императора 3 июня 1907 г., изменив порядок проведения выборов в Государственную Думу, суть новой формы правления не изменил¹⁵.

Характерным подтверждением вышеописанной ситуации является мнение Б.А. Кистяковского, который считал, что все постреволюционные акты (включая роспуск II Государственной Думы) являются конституционными законами, поскольку все последующие императорские законы так или иначе вводили в Российской империи принцип ограничения монархической власти, поскольку они содержали в себе особые правовые нормы, определяющие российский государственный строй, а также организацию и деятельность высших органов государственной власти¹⁶.

Как уже было отмечено, Положение о выборах в Государственную Думу 3 июня 1907 г., заменившее ранее действовавшее Положение о выборах, было издано с нарушением ст. 87 ОГЗ. Но хотя оно и вступило в законную силу, но никак не отменило этой статьи. Хотя и был издан лишь единичный законодательный акт с нарушением ст. 87, данная норма все же сохранила юридическую силу. Издание манифеста мотивировалось исключительными обстоятельствами, и с государственно-правовой точки зрения

нужно считать, что ОГЗ являлись актом переходного времени.

Нельзя не отметить точку зрения отечественных государствоведов, которые в отличие от большинства коллег характеризовали события 3 июня 1907 г. в крайне негативном ключе. Так, однозначно о противоправности действий императора высказывался Н.И. Лазаревский, отмечая, что ОГЗ, воплотившие в себе Манифест 17 октября, окончательно превращены в часть правового порядка, стоящего над индивидуальной волей Монарха¹⁷.

С.А. Котляревский отмечал наличие в данном акте двух важных обстоятельств. Во-первых, действия монарха определенно нарушали ОГЗ, что было недопустимо ни в каком виде. Об этом свидетельствовали высказывания С.А. Котляревского: «ОГЗ, воплотившие в себе Манифест 17 октября 1906 года, являли собой часть объективного права, стоящего выше воли Императора и отдельные составляющие которого подлежали изменению лишь в том порядке, в каком они были приняты ранее»¹⁸. Во-вторых, события 3 июня 1907 г. свидетельствовали о полном игнорировании и нарушении монархом не только положений ОГЗ, но и мнения народных представителей, что было направлено на сознательное нарушение императором разделения властей¹⁹.

Особого внимания в этой связи заслуживает оценка постреволюционной ситуации в стране со стороны С.А. Муромцева. Так, по мнению правоведа, роспуск Государственной Думы с одновременным изменением действующего избирательного закона, без надлежащего одобрения Государственной Думы, составляло принципиальное нарушение Манифеста 17 октября 1905 г. «Этот факт, составляет собою очевидное нарушение основных законов. Скажем решительнее и ближе к истине: это — откровенный государственный переворот»²⁰. Правовед также писал: «Правительство было бы более удовлетворено, если бы новое положение упразднило бы народное представительство в лице Государственной Думы и восстановило

¹⁴ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908. С. 119.

¹⁵ Палиенко Н.И. Основные законы и форма правления в России. Харьков, 1910. С. 75.

¹⁶ Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское). Лекции Б.А. Кистяковского, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/1909 академическом году // Б.А. Кистяковский. Философия и социология права. М. 1912. С. 103.

¹⁷ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Пг., 1917. Т. 1. С. 13.

¹⁸ Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. СПб., 1912. С. 215.

¹⁹ Там же. С. 213.

²⁰ Муромцев С.А. Роспуск Государственной Думы // Статьи и речи. Вып. V. В области политики и публицистики (1880–1910). М., 1910. С. 101.

авторитарность государственного управления»²¹.

Подводя итог вышеизложенному, стоит заметить, что реакция либеральных правоведов на акт 3 июня 1907 г. может существенно различаться. Определенная часть государствоведов придерживались позиции С.А. Муромцева и считали, что действия властей были не чем иным, как переворотом и грубейшим попранием ранее изданных норм и обязательств, которые взяла на себя власть. Иного мнения были правоведы (как, например, Б.А. Кистяковский), которые утверждали, что императорская власть уже не могла повернуть время вспять, и любой акт, так или иначе, уже не мог отрицать существование Государственной Думы и, соответственно, также факта ограничения абсолютной императорской власти и наступления периода конституционной монархии в России.

²¹ Муромцев С.А. Будущая Дума // Статьи и речи. Вып. V. В области политики и публицистики (1880–1910). М., 1910. С. 104.

Несмотря на противоречивые мнения, нельзя не отметить факт: теория разделения властей активно изучалась и анализировалась отечественными либеральными государstвооведами и в теории, и на практике после принятия ОГЗ. События же 3 июня 1907 г. было уже не просто квалифицировать как законное выражение воли самодержавного монарха, а как посягательство на краеугольный камень правового государства — принцип разделения властей.

Отдельно нельзя не отметить тот факт, что отрицательное отношение к государственному перевороту 3 июня 1907 г. может явно свидетельствовать о следующем: российское либеральное общество уже обладало высоким уровнем правовой культуры и за довольно скромный период существования представительного органа власти Российской империи смирилось с тем фактом, что распределение властей было реализовано на практике и ни о каких проявлениях единичности и самодержавия после принятия ОГЗ больше не могла идти речь.

Литература

1. Алексеев А.А. Министерская власть в конституционном государстве / А.А. Алексеев. Харьков : Изд. «Тип. и литография «М. Зильберберг и с-вья», 1910. 313 с.
2. Алексеев А.А. К вопросу об эволюции русских конституционных законов / А.А. Алексеев // Юридические записки, издаваемые Демидовским Юридическим Лицеом. Ярославль, 1911. 440 с.
3. Гессен В.М. Основы конституционного права / В.М. Гессен. Пг. : Изд. юрид. кн. склада «Право», 1918. 452 с.
4. Дзидзоев Р.М. Первый конституционный документ России / Р.М. Дзидзоев. М. : Изд-во «Государство и право», 1997. 114 с.
5. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора / П.Е. Казанский. Одесса : Изд-во «Техник», 2007. 1000 с.
6. Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское). Лекции Б.А. Кистяковского, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/1909 академическом году // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. М. : Тип. «Московская», 1912. 800 с.
7. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов / С.А. Котляревский. СПб. : Тип. «Г. Лиснера и Д. Собко», 1912. 223 с.
8. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1 / Н.И. Лазаревский. СПб. : Тип. Акционерного общества «Слово», 1908. 509 с.
9. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1 / Н.И. Лазаревский. СПб. : Тип. Акционерного общества «Слово», 1913. 672 с.
10. Маклаков В.А. Первая Государственная Дума: Воспоминания современника. 27 апреля — 8июля 1906 г. / В.А. Маклаков. М. : Тип. Центрполиграф, 2006. 335 с.
11. Муромцев С.А. Будущая Дума // Статьи и речи. Вып. V. В области политики и публицистики (1880–1910) / С.А. Муромцев. М. : Тип. «О-ва распространения полез. кн.», 1910. 142 с.
12. Муромцев С.А. Роспуск Государственной Думы // Статьи и речи. Вып. V. В области политики и публицистики (1880–1910) / С.А. Муромцев. М. : Тип. «О-ва распространения полез. кн.», 1910. 142 с.
13. Палиенко П.И. Основные законы и форма правления в России / П.И. Палиенко. Харьков : Тип. «Печатник», 1910. 120 с.
14. Чичерин Б.Н. О народном представительстве / Б.Н. Чичерин. М. : Тип. «Т-ва И.Д. Сытина», 1899. 836 с.

Как в современных условиях повысить эффективность профессионального сыска?

*Яковец Евгений Николаевич,
профессор кафедры организации оперативно-розыскной деятельности
Академии управления Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
koshka997@mail.ru*

Статья посвящена вопросам зарождения в нашей стране уголовного сыска, проблемам использования отдельных его сил, средств и методов на некоторых этапах развития Российского государства. Подчеркивается необходимость применения данного сыскного опыта в деятельности современной полиции.

Ключевые слова: И.Д. Путилин, уголовный сыск, дворники, извозчики, уголовная регистрация.

How to Raise Efficiency of Professional Investigation on Contemporary Conditions?

*Yakovets Evgeny N.,
Professor of the Department of Arrangement of Operational Search Activity
of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor*

Article is devoted to questions of origin in our country of criminal investigation, to problems of use of his separate forces, means and methods at some stages of development of the Russian state. Need of application of this detective experience in activity of modern police is emphasized.

Key words: I.D. Putilin, criminal investigation, janitors, carriers, criminal registration.

Наряду с 60-летием образования в стенах нынешней Академии управления МВД России кафедры оперативной работы органов внутренних дел (в настоящее время — кафедра организации оперативно-розыскной деятельности) в конце прошлого года правоохранители отметили еще одну знаменательную дату — 150-летие основания первого в России Санкт-Петербургского сыскного отделения. Данное обстоятельство наглядно свидетельствует о том, что современная теория оперативно-розыскной деятельности появилась не на пустом месте. Ее становлению предшествовала длительная эволюция практической сыскной деятельности.

Как известно, проблемы негласных действий полиции по раскрытию преступлений начали обсуждаться в Российской империи после Судебной реформы 1864 г. Впервые нормативное закрепление эти идеи получили в главе «О мерах безопасности от воров и разбойников» Устава о предупреждении и пресечении преступлений, изданного в 1876 г. Однако еще за десять лет до этого — в 1866 г. — петербургским обер-полиц-

мейстером Ф.Ф. Треповым была подготовлена служебная записка на имя Александра II, в которой говорилось о целесообразности учреждения сыскной полиции¹.

Императором данная инициатива была одобрена, и 31 декабря 1866 г. в Петербурге было создано первое российское сыскное отделение полиции, которое возглавил И.Д. Путилин. За раскрытие особо тяжких преступлений и задержание опасных преступников этот новатор российского уголовного сыска был удостоен многих наград и знаков отличия. О нем говорили как о русском Пинкертоне. Умер он осенью 1889 г., не скопив для своей семьи никакого состояния, но оставив заметный след в истории государства Российского, укреплению которого посвятил всю свою жизнь². Уже после смерти знаменитого сыщика были опубликованы его неоконченные воспоминания, которые вплоть до Октябрьской революции

¹ Санкт-Петербургская столичная полиция: краткий исторический очерк. СПб., 1903. С. 286–287.

² Шергина В.Д. Иван Дмитриевич Путилин. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PUTILIN_Ivan_Dmitrievich/_Putilin_I._D_.html

1917 г. пользовались среди российских читателей неизменной популярностью.

Внимательное изучение мемуаров И.Д. Путилина позволяет отметить, что сыскная практика того периода имела весьма специфические особенности. В ней на регулярной основе задействовались такие силы и средства, которыми практически не располагает современная правоохранительная деятельность. Взять, к примеру, документальный рассказ И.Д. Путилина «Безумная месть», где речь идет об убийстве в гостиничном номере respectableного господина, личность которого долгое время не удавалось установить.

Автор отмечает в данной связи следующее: «Дело представлялось весьма сложным. В громадном Петербурге трудно найти человека только по наружным приметам, особенно если он принадлежит к интеллигентному сословию, где все более или менее похоже друг на друга.

Убитый был неизвестен. Несомненно, судя по костюму, золотым часам и кошельку с шестьюдесятью двумя рублями, он был состоятельным человеком. Имя его и фамилия начинались с буквы «К», и пальто он заказывал у Корпуса. Приведшая его (в гостиницу. — Е.Я.) женщина была, по определению слуги, из «этих», но найти ее тоже не казалось легким, потому что она могла и не быть зарегистрированной, то есть известной полиции. Наконец, главные виновники не оставили после себя никаких следов. Известно только, что он был с русской бородой, высокий ростом, а у нее на платье, вероятно, остались следы стеарина. И это все»...

Какие же меры для выяснения личности потерпевших и установления подозреваемых предпринимались в подобных случаях сыскной полицией? В мемуарах мы находим ответ на этот вопрос.

«...Я распорядился через полицию, — пишет И.Д. Путилин, — чтобы дворники проследили, не пропал ли кто из жильцов с ночи шестого августа. Затем через ту же полицию приказал, чтобы ко мне явился извозчик, который возил утром, между пятью и шестью часами, седьмого августа двух седоков, барыню с бариним, от гостиницы или с одной из двух улиц, на углу которых она стоит. И наконец, командировал лакея Егора Васильева в Рождественскую часть, где обычно производился врачебно-полицейский осмотр всех зарегистрированных служительниц любви.

Распоряжения эти очень быстро дали результаты.

На другое утро ко мне явился извозчик, который показал, что он взял таких седоков за три дома от гостиницы. Господин с большой светлой бородой нанял его на Варшавский вокзал. Он повез их по Измайловскому проспекту, на углу Первой роты господин высадил даму, а сам поехал на Варшавский вокзал, где и сошел.

— Ты бы его узнал?

— В лицо бесприменно.

Я распорядился найти извозчика, который около шести часов утра седьмого августа посадил даму, но такого не нашлось. Очевидно, дама дошла до своего дома пешком или взяла извозчика, запутав след. След действительно как будто потерялся, но я знал, что не сегодня-завтра он отыщется, и не обманулся. На другой же день вечером из второго участка Литейной части мне сообщили, что старший дворник одного дома оповестил их об исчезновении хозяина Кузьмы Федоровича Кузнецова, ушедшего вечером шестого августа»³.

Читаем еще один рассказ из воспоминаний И.Д. Путилина под названием «Страшный багаж». Речь здесь идет об обнаружении на Варшавском вокзале Петербурга упакованного под багаж трупа неизвестной женщины. Розыск преступника привел сыщиков в гостиницу на Лиговке. Далее автор отмечает следующее: «...Продолжая допросы номерных и коридорных из дома, я в то же время сделал распоряжение через приставов найти извозчика, который утром четвертого сентября взял у дома на Лиговке тюк на Варшавский вокзал, и того человека, который помогал вынести тюк...

...Второй оказался маляром. Он объяснил, что около двенадцати часов шел с товарищами после работы из дома Пожарского на Лиговке. Когда они проходили мимо меблированных комнат, к нему подошел мужчина лет сорока пяти, одетый по-русски, в длинном пальто, и попросил его помочь вынести из квартиры тюк. Маляр согласился... Он пошел за ним по длинному коридору, вошел в маленькую комнату и увидел тюк, упакованный в рогожу, длиной аршина два, с одного конца толще, с другого тоньше. Маляр взялся за тонкий конец, тот за толстый, и они

³ Сорок лет среди грабителей и убийц: Записки первого начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции И. Д. Путилина. URL: <http://www.rodon.org/pid/slsgib.htm>

вынесли тяжелый тюк на улицу. Там мужчина сторговал извозчика за сорок копеек, сел, поставил тюк толстым концом вниз, заплатил маляру пять копеек и уехал.

Извозчик прибавил к этому показанию немного. Мужчина по дороге объяснил ему, что тюк этот не его, везет он багаж по поручению товарища. Тюк на вокзал понес сам седок. Вскоре он вернулся, отдал деньги, попросил довести его до Обводного канала, там слез и ушел...»⁴

Итак, из приведенных отрывков видно, что в те далекие времена сыщиками, как сама собой разумеющаяся, активно использовалась помощь извозчиков и дворников. Более того, если внимательно прочитать все «Записки», можно отметить, что активное содействие сыскальной полиции оказывали также трактирщики, швейцары, работники гостиниц, лавочники, железнодорожники и др. Действенную и своевременную помощь получали сыщики и от наружной полиции в лице частных приставов, околоточных надзирателей, городских и т.д. В городе не сложно было найти по приметам или имени ту или иную даму «легкого поведения», поскольку все они состояли на учете в ближайшей к месту их обитания полицейской части, где регулярно проходили медицинское освидетельствование и получали разрешение на работу.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в рассматриваемый период (конец XIX — начало XX в.) у сыщиков имелось намного больше возможностей для получения легальной информации, чем у современных полицейских. Причин здесь несколько. Основным является психологический момент: большинство россиян тогда было более законопослушным. Чиновники полиции пользовались у подданных Российской империи уважением (за исключением разве что наиболее одиозных представителей криминалитета), поскольку действовали они от имени верховной власти.

Наряду с этим достаточно эффективно функционировала и сама система профессионального сыска Российской империи. Сыскальные отделения имели относительно небольшую численность (по разным источникам, под началом И.Д. Путилина состояло около 20 оперативных сотрудников⁵), тем

не менее на обслуживаемой территории они держали под контролем всю социальную инфраструктуру.

Еще одним важным моментом являлось то, что в сыскальной полиции действовала четко отлаженная система уголовной регистрации правонарушителей и криминальных деяний. Помимо женщин легкого поведения, упоминавшихся выше, сыскальными отделениями ставились на учет практически все представители преступного мира. Их можно было идентифицировать по отпечаткам пальцев рук, результатам сигналетической фотосъемки, словесному портрету, образцам почерка, способу совершения правонарушений и т.д.

Зададимся вопросом: реально ли в нынешних условиях возродить и поставить на службу охраны правопорядка указанные силы и средства борьбы с преступностью? Анализ имеющейся на сегодняшний день ситуации показывает, что сделать это вполне возможно.

Воспитать пиетет со стороны граждан к органам правопорядка при нынешнем нигилистическом правосознании многих представителей нашего общества вряд ли удастся. Тот патриархальный дух, которым славилось Российское государство в прошлом, давно и безвозвратно выветрился. Между тем активная помощь правоохранительным органам со стороны граждан с не меньшим, чем в до-революционный период, усердием оказывалась и в последующее время. Имеются многочисленные примеры сознательной мотивации граждан, оказывавших помощь правоохранителям в советский период. Деятельность современных волонтерских организаций внушает определенный оптимизм в этом плане и в сегодняшних реалиях.

В нынешних условиях необходимо найти ту «золотую середину», которая позволила бы адаптировать силы и средства профессионального сыска давно ушедших времен к современным реалиям правового государства и духовному настрою российского общества. Для этого нужно использовать соответствующие правовые механизмы, мо-

«Олимп», 1998. С. 25; Смирнов М.П., Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная деятельность в Российской империи в документах и комментариях (XVIII в. — февраль 1917 г.) : монография. М. : Издательский дом Шумиловой И.И., 2010. С. 35; Елинский В.И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности : монография. М. : Изд-ль Шумилова И.И., 2001. С. 30–31, 37.

⁴ Там же.

⁵ Наша служба — уголовный розыск: Историко-художественно-публицистический сборник. М. : Центр творческих, социальных и издательских программ

ральные и материальные стимулы, а где необходимо — и административные меры.

Одним из скрытых резервов повышения эффективности современных правоохранительных органов является привлечение к охране правопорядка дворников. Как известно, с апреля 1866 г., после очередного покушения на Александра II, дворники, по существу, превратились во вспомогательных служащих полиции, круглосуточно следивших за жильцами, дежуривших по ночам и участвовавших в полицейских облавах. На них были возложены обязанности по ведению домовых книг, в которых фиксировались все жильцы. Обо всем подозрительном в их поведении следовало немедленно информировать полицию. Со временем количество обязанностей дворников возросло. В 1892 г. было введено посменное ночное дежурство. В помощь дежурным дворникам домовладельцы обязаны были нанимать еще и ночных сторожей.

После революции в жизни дворников мало что изменилось — вместо полиции ими стала командовать милиция. В опубликованных в 1922 г. предписаниях московским дворникам говорилось: «Обо всех нарушениях немедленно доносить милиции, оказывая последней возможную помощь в деле надзора за общественным порядком, а в случае необходимости отправки кого-либо в отделение — доставить лично по назначению; нести ночные дежурства и знать номера телефонов пожарных частей и отделений милиции. При вступлении на дежурство дворник снабжается свистком, знаком с надписью «дворник», а на зимнее время — тулупом».

Положением о дворниках, утвержденным Постановлением СНК СССР от 17 апреля 1943 г. № 410, начальникам отделений милиции вместе с администрацией домоуправлений предписывалось принимать активное участие в подборе дворников с тем, чтобы они по своим физическим возможностям могли выполнять свои обязанности и в ночное время.

В период хрущевской «оттепели» (1959 г.) профсоюзные функционеры добились принятия нового, весьма либерального Положения о дворниках в городах и рабочих поселках РСФСР, согласно которому прямое подчинение дворников милиции упразднилось, а график ночных дежурств должен был согласовываться с профсоюзом. Три года спустя, в 1962 г., милиция лишилась и права требовать обязательного участия дворников

в задержаниях преступников и прочих мероприятиях, а разрешение на их содействие следовало запрашивать у жилищно-коммунальных служб. На этом и завершилась правоохранительная служба дворников, продолжавшаяся без малого целый век⁶.

Зададимся вопросом: возможно ли в современных условиях возродить подобные формы работы с представителями ЖКХ, причем не с мигрантами, а с россиянами, которые могли бы получать за оказание содействия полиции дополнительное вознаграждение? А случайно ли, что большинство нормативных актов, регламентирующих содействие дворников органам правопорядка, появлялись в те исторические моменты, когда в стране обострялась внутривнутриполитическая обстановка либо появлялись внешние угрозы ее безопасности?

Сейчас Россия вновь переживает непростые времена, обусловленные прежде всего активизацией террористической угрозы. Поэтому формальные основания для принятия подобных мер имеются. Профессор О.В. Дамаскин отмечает в данной связи следующее: «Для национальной политики, ориентированной на внутренние проблемы, характерны иные приоритеты, чем для либеральной политики, ориентированной на внешний рынок. Это, прежде всего, модернизация экономики и укрепление правопорядка (курсив мой. — Е.Я.)»⁷.

Кроме этого, почему бы российским правоохранителям наряду с работниками ЖКХ не «взять под свое крыло» и современных «извозчиков» — таксистов, работа которых основывается на лицензировании их деятельности и поддается эффективному контролю с применением отлаженных геоинформационных технологий?

Наконец, что препятствует постановке на соответствующий учет современных «жриц любви»? Не будем сейчас говорить о легализации их профессиональной деятельности: этот вопрос в большей степени политический, чем правовой, однако с учетом того,

⁶ Кузнецова С. Особые условия службы дворников. Как блюстителей чистоты сделали блюстителями порядка // Коммерсантъ Власть. 2016. 14 марта. № 10. С. 28. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2922580> ; Дворники Российской империи // Оптимист. 2016. 28 июня. URL: <http://opppps.ru/dvorniki-rossijskoj-imperii.html>

⁷ Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности: монография. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2016. С. 90.

что практически все дома терпимости, работающие под видом массажных салонов, саун, контор по предоставлению эскорт-услуг и т.п., практически не скрывают фактической направленности своей деятельности и активно рекламируют себя через СМИ и Интернет, целесообразно брать их на заметку и работать с ними как с легальными источниками информации. Опыт деятельности московской «полиции нравов» (11-й отдел УУР ГУВД г. Москвы), успешно функционировавшей в начале «лихих девяностых» и упраздненной затем в силу не вполне понятных причин, наглядно свидетельствует о наличии такой возможности.

Наряду с этим можно было бы распространить на общефедеральный уровень опыт уголовной регистрации криминально активных элементов, которым располагает ряд региональных подразделений полиции.

Вполне очевидно, что в решении всех этих вопросов кровно заинтересованы не только полиция, но и другие правоохранительные структуры. Однако организовать решение данных проблем, по мнению автора данной статьи, способен только уго-

ловный розыск — наиболее компетентный в решении подобных вопросов оперативный аппарат полиции, являющийся к тому же прямым наследником первого сыскного отделения, с которого начался этот разговор. Уголовному розыску можно было бы придать функции наблюдателя за данной линией работы, а в полиции общественной безопасности — создать структуры, работающие по типу лицензионно-разрешительных подразделений, для осуществления контроля за деятельностью работников ЖКХ, таксистов, женщин легкого поведения и других легальных источников информации.

Таким образом, современной полиции практически ничто не мешает возродить применение оправдавших себя в прежние годы весьма эффективных легальных источников информации. По крайней мере, никаких правовых препятствий на этот счет не имеется. Остается лишь принять соответствующие принципиальные решения и разработать на их основе необходимые подзаконные и ведомственные нормативные правовые акты.

Литература

1. Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности : монография / О.В. Дамаскин. М. : Пограничная академия ФСБ России, 2016. 432 с.
2. Дворники Российской империи // Оптимист. 2016. 28 июня. URL: <http://oppps.ru/dvorniki-rossijskoj-imperii.html>
3. Елинский В.И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности : монография / В.И. Елинский. М. : Изд-ль Шумилова И.И., 2001. 228 с.
4. Кузнецова С. Особые условия службы дворников. Как блюстителей чистоты сделали блюстителями порядка / С. Кузнецова // Коммерсантъ Власть. 2016. 14 марта. № 10. С. 28. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2922580>
5. Наша служба — уголовный розыск: Историко-художественно-публицистический сборник. М. : Центр творческих, социальных и издательских программ «Олимп», 1998. 320 с.
6. Санкт-Петербургская столичная полиция: краткий исторический очерк. СПб., 1903. С. 286–287.
7. Смирнов М.П. Оперативно-розыскная деятельность в Российской империи в документах и комментариях (XVIII в. — февраль 1917 г.) : монография / М.П. Смирнов, А.Ю. Шумилов. М. : Издательский дом Шумиловой И.И., 2010. 184 с.
8. Сорок лет среди грабителей и убийц: Записки первого начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилина. URL: <http://www.rodon.org/pid/slsgib.htm>
9. Шергина В.Д. Иван Дмитриевич Путилин / В.Д. Шергина. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PUTILIN_Ivan_Dmitrievich/_Putilin_I_D_.html

Генезис термина «национальная безопасность»

*Шелахаев Андрей Алексеевич,
адъюнкт кафедры теории и истории
государства и права Санкт-Петербургского
военного института войск
национальной гвардии Российской Федерации
Oldtimerclassic@gmail.com*

В статье рассматривается процесс возникновения, развития и закрепления в политической жизни России термина «национальная безопасность» через призму осознания необходимости организации и совершенствования безопасности страны как структурной системы и как функциональной задачи правового государства.

Ключевые слова: национальная безопасность, геополитические процессы, структурная система, глобальные изменения, категориальный аппарат, суверенитет.

Genesis of National Security Term

*Shelakhaev Andrey A.,
Junior Scientific Assistant of the Department of Theory and History of State and Law
of the Saint-Petersburg Military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation*

The article discusses the process of emergence, development and consolidation in the political life of Russia of the term “national security” through the prism of the awareness of the necessity of the organization and improving the security of the country, as a structural system and how the functional tasks of the legal state.

Key words: national security, geopolitical processes, structural system, global changes, categorical apparatus, sovereignty.

Сложившаяся в мире к концу XX в. геополитическая ситуация потребовала переосмысления содержания понятия «национальная безопасность» и иного подхода в определении приоритетов в сфере обеспечения национальной безопасности. В результате наступающих геополитических процессов в современном понимании термин «безопасность» определяется как сложнейшее социальное явление, тесно взаимодействующее со всеми формами и направлениями в системе «природа — человек — общество» и имеющее исторический характер становления.

В ходе исследования категориального аппарата — понятий «безопасность» и «национальная безопасность» мы находим, что, если первый дефицит используется давно, то второй — «национальная безопасность», появился в 1904 г. в послании президента США Теодора Рузвельта Конгрессу, которое сводилось к тому, что в интересах национальной безопасности США необходимо присоединение зоны Панамского канала.

В США термин «национальная безопасность» до 1947 г. употреблялся в контексте

определения «обороны», а не интеграции внешней и внутренней политики. Конгресс США в 1947 г. принял закон «О национальной безопасности», в соответствии с которым был образован Совет национальной безопасности. Данный закон определил ему функцию координации внешней, внутренней и военной политики, относящейся к национальной безопасности. В законе «О национальной безопасности» была установлена система целей, интересов, угроз и приоритетов национальной политики США. Для нашей же страны термин «национальная безопасность» практически новый.

В Российской империи понятие «безопасность» впервые было введено в обращение императором Александром III в 80-х годах XX в. и имело достаточно специфическую направленность. В результате обострившейся террористической угрозы в стране возникла необходимость в организации мероприятий, проводимых в рамках борьбы с государственными преступлениями. В «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. употреб-

лены термины: «государственная безопасность»: «...начальствующие лица могут: а) издавать постановления по предупреждению нарушения государственной безопасности...» (разд. II, п. 15, подп. «а»); «общественная безопасность»: «...В тех случаях, когда проявления преступной деятельности лиц, злоумышляющих против общественной безопасности...» (разд. I, п. 4); «безопасности частных лиц»: «...когда общественное спокойствие будет нарушено преступными посягательствами против безопасности частных лиц...» (разд. I, п. 6, подп. «а»)¹.

В СССР национальная безопасность как структурная система официально не разрабатывалась. Она практически отождествлялась с государственной безопасностью и рассматривалась как часть смысловой категории «обороноспособность». Законодательное закрепление 10 июля 1934 г. Постановлением ЦИК СССР термина «государственная безопасность» в контексте переименования Объединенного государственного политического управления при СНК СССР (ОГПУ) в Главное управление государственной безопасности и являлось продолжением его исторического развития.

В последующем 13 марта 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ об образовании Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР², на который Положением о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах возлагалась одна из задач: «Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР несет ответственность за обеспечение государственной безопасности в стране...»³, тем самым переводя в функциональную обя-

занность государственной силовой структуры рассматриваемый нами термин.

Рассматривая генезис термина «национальная безопасность», следует упомянуть Конституцию Союза Советских Социалистических Республик 1977 г.⁴ В ней термин «национальная безопасность» использовался в задачах внешней политики, но выражался иначе — «безопасность народов», что является, на наш взгляд, своеобразным терминологическим преобразованием с исключительно понятной смысловой нагрузкой, той, в смысл которой заключается образ многонационального государства. Чего не скажешь о Конституции России, принятой в 1993 г.⁵, которая в принципе хотя и заложила основы современного понимания обеспечения национальной безопасности на последующий период времени, однако термин «национальная безопасность» тем не менее в ней отсутствует. В Основном законе страны используются такие термины, как «безопасность государства» и «государственная безопасность». Это приводит как минимум к отступлению от провозглашаемой политики государства о защите прав и свобод многонационального народа.

Распад СССР, ослабление базовых государственных начал, смещение ориентиров, разрушение идеологии, активизация внешних и внутренних угроз, ведущая к дальнейшему ослаблению как самой России, так и других вновь образованных государств на постсоветском пространстве, определили направление дальнейшего развития национальной безопасности как функции, осуществляемой государством в целях сохранения своей государственности и суверенитета. Е.Н. Яковец, исследуя текущие процессы государственного преобразования, обращает внимание на немаловажную роль, сыгранную в развале страны и поражении в холодной войне нового «горбачевского» партийного руководства, пришедшего к власти в 1985 г. и уделявшего больше внимание гласности и открытости в вопросах взаимодействия государственно-го аппарата с демократическим обществом, забывая при этом о национальной безопасности⁶. В результате контроль над информа-

¹ Полное собрание законов Российской империи: Собрание третье. Т. 1: Со дня восшествия на престол Государя Императора Александра Александровича [1 марта 1881 года] по 31 декабря 1881 года. СПб., 1885. С. 261–266.

² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления. 1954–1958. М.: РОССПЭН, 2006.

³ Положение о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах. Выписка из протокола № 200 заседания Президиума ЦК КПСС с утверждением проекта Положения о КГБ при СМ СССР ЦК КПСС // Оpubл. 9 апреля 1959 г. URL: <http://shieldandword.mozohin.ru/documents/statement9159.htm>

⁴ Конституция СССР от 7 октября 1977 г. Ст. 28, гл. 4 // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

⁵ Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. № 237.

⁶ Яковец Е.Н. Деятельность по обеспечению информационной безопасности страны в период распада

ционной безопасностью, осуществлением цензуры и защитой государственной тайны снижен был многократно, чем немедленно воспользовались враждебные западные силы, развязывая информационную войну. То есть результат развала страны привел к необходимости пересмотра по существу отношения к проблеме национальной безопасности государства. Термин «национальная безопасность», ранее принимаемый как безопасность военно-политическая, отражавшая только силовую сторону деятельности государства, теперь приобрел мощный интегративный контекст. С точки зрения понятия он включает широкий комплекс проблем внутреннего и внешнего порядка, связанных с обеспечением национальных интересов. Перед государством в связи с нарастающим влиянием внешних и внутренних факторов возникла необходимость разработки комплекса доктринальных документов в области обеспечения национальной безопасности.

Первым правовым актом, заложившим основу теоретической и практической деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности России, был Закон РФ № 2446-1 «О безопасности» от 5 марта 1992 г.⁷, ныне утративший силу, в котором безопасность определялась как «*состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз*». Более точного понятия «национальная безопасность» закон не содержал.

Непосредственно термин «национальная безопасность» впервые был использован в Федеральном законе № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995 г.⁸, который ныне утратил силу⁹. В нем определялись основные направления государственной политики в сфере информатизации, одним из которых являлось обеспечение *национальной безопасности* в сфере информатизации.

СССР // История государства и права. 2017. № 4. С. 25–29.

⁷ Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

⁸ Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // Законодательство РФ. 1995. № 8. Ст. 609.

⁹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. № 165.

Свое дальнейшее развитие этот термин получил 13 июня 1996 г.¹⁰ в первом послании Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации, затем он фигурирует во всех последующих посланиях Президента. Так, в послании отмечается: «...*Безопасность личности, безопасность семьи, национальная безопасность, соотнесенные с региональной и всеобщей коллективной безопасностью, — вот путь развития России в XXI веке. При этом национальная безопасность понимается как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства*». Как видим, определение является идентичным тому, которое содержалось в Законе РФ от 1992 г. «О безопасности».

17 декабря 1997 г. Президент Российской Федерации своим Указом от № 1300 утверждает Концепцию национальной безопасности Российской Федерации¹¹, которая дает определение рассматриваемого термина: «*Под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации*». Стоит отметить, что, названное качество российского народа «*многонациональность*» определяется именно как ключевое понимание национальной безопасности в функционирующем государстве, что является значительным шагом в генезисе как самого термина «национальная безопасность», так и понятийной категории национальной безопасности государства.

Без изменений остается определение термина «национальная безопасность» в следующей редакции Концепции национальной безопасности Российской Федерации от 10 января 2000 г.¹²

В 2009 г. наступил очередной этап эволюции теории национальной безопасности РФ. Концепцию сменил новый документ, утверж-

¹⁰ См.: Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1996. С. 28.

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Концепция национальной безопасности Российской Федерации» // Законодательство РФ. 1997. № 52. Ст. 5909.

¹² Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «Концепция национальной безопасности Российской Федерации» // Законодательство РФ. 2000. № 2. Ст. 170.

денный 12 мая 2009 г. Указом Президента РФ № 537¹³, — «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». В указанной Стратегии национальная безопасность определена как «*состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства*».

Федеральный закон РФ «О безопасности», принятый 28 декабря 2010 г.¹⁴, упразднивший Закон РФ от 1992 г., в понятийном смысле термин «безопасность» признал тождественным термину «национальная безопасность», которая включает безопасность государства, общественную безопасность, экологическую безопасность, безопасность личности, иные виды безопасности, предусмотренные законодательством России. Идеи, изложенные в законе, заметно отличали его от аналогичных документов развитых стран, поскольку рассматривали проблему национальной безопасности с точки зрения интегративного подхода, заключавшегося в триаде «личность, общество, государство» и учитывавшего условия обеспечения внешней и внутренней безопасности. Несмотря на достоинства Федерального закона «О безопасности», следует иметь в виду, что он принимался в период глобальных изменений в отношениях с геополитическим противником. Ошибочное предположение окончания периода холодной войны и переход к партнерским отношениям на «равных» условиях сказалось на объективности отражения в законе проблемы при оценке вызовов, рисков, опасностей и угроз в сфере национальной безопасности.

В связи с чем положения Стратегии национальной безопасности России были скорректированы с учетом политических и информационных рисков. В новой редакции Стратегии¹⁵ современная трактовка понятия

национальной безопасности России определена следующим образом: «*Национальная безопасность — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства*».

Приведенное определение является официальным, определяющим, что:

во-первых, национальная безопасность — это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз;

во-вторых, в качестве *объектов защиты* системой национальной безопасности выступают личность, общество, государство;

в-третьих, личность, общество и государство находятся под воздействием внутренних и внешних угроз;

в-четвертых, защищенность личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз обеспечивает:

— конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан;

— суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации;

— оборону и безопасность государства.

В контексте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, согласуется предназначение созданной 5 апреля 2016 г. Указом Президента Российской Федерации государственной военной организации — Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации¹⁶. Федеральным законом № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»¹⁷ установлено их предназначение, а именно обеспечение *государственной и общественной безопасности*, защиты прав и свобод человека и гражданина. В итоге мы приходим к пониманию,

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Законодательство РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

¹⁴ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. 390-ФЗ «О безопасности» // Законодательство РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии националь-

ной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Законодательство РФ. 2016. № 1 ч. II. Ст. 212.

¹⁶ Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // Законодательство РФ. 2016. № 15. Ст. 2072.

¹⁷ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Законодательство РФ. 2016. № 27, ч. I. Ст. 4159.

что войска национальной гвардии как в рамках действующей Конституции, так и на основе Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» предназначены для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В трех военных институтах войск национальной гвардии (Санкт-Петербургском, Новосибирском и Саратовском) производится подготовка офицеров командного профиля по программе специалитета 40.05.01.65 «Правовое обеспечение национальной безопасности». В свою очередь, это является дальнейшим продолжением генезиса термина «национальная безопасность» выразившимся в формировании его функциональной задачи для конкретной силовой структуры, в данном случае войск национальной гвардии Российской Федерации.

Таким образом, с точки зрения понятия национальная безопасность представляет собой структурную систему взаимосвязанных элементов, включающую совокупность концепций, определяющих стратегическое направление развития социально-политических и правовых институтов, а также использование в ее интересах форм и методов адекватного реагирования при возникновении опасностей и угроз. Термин же «национальная безопасность» с течением времени и в створе геополитики претерпевал те или иные изменения.

Государство, стремящееся к правовому совершенству, своей важнейшей функцией должно считать защиту интересов граждан, обеспечение их безопасного существования и жизнедеятельности, что, на наш взгляд, и является национальной безопасностью.

Литература

1. Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1996 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Яковец Е.Н. Деятельность по обеспечению информационной безопасности страны в период распада СССР / Е.Н. Яковец // История государства и права. 2017. № 4. С. 25–29.

Общее понимание добросовестности

*Федин Илья Геннадьевич,
соискатель кафедры теории и истории
государства и права Алтайского государственного
университета, руководитель юридического отдела
в группе строительных компаний Алтайского края,
магистр юриспруденции
fedinig@mail.ru*

Статья посвящена вопросам, связанным с определением понятия «добросовестность» в рамках российской правовой культуры и обоснованием необходимости рассмотрения данной правовой категории сквозь призму христианского правосознания.

Ключевые слова: добро, совесть, дефиниция добросовестности, моральные категории, российское правосознание, христианское правосознание.

General Understanding of Good Faith

*Fedin Ilya G.,
Degree-Seeking Student of the Department of Theory and History of State and Law
of the Altai State University,
Head of the Legal Department at a group of construction companies of the Altai Territory
Master of Laws*

The article is devoted to issues related to the definition of integrity in the framework of the Russian legal culture and the rationale for consideration of the legal category through the lens of Christian justice.

Key words: good, conscience, conscientiousness definition, moral categories, russian sense of justice, christian sense of justice.

Исследованию вопроса о том, какой смысл надлежит вкладывать в понятие добросовестность, посвящено большое количество правовых исследований.

Вместе с тем актуальность данного вопроса постоянно возрастает в связи с нарастающим усилением в российском законодательстве и правоприменительной практике принципа добросовестности.

Так, в одной только первой части Гражданского кодекса Российской Федерации встречается упоминание данного понятия порядка сорока раз¹.

Непрерывное обращение к теме добросовестности связано также с тем, что ни действующее законодательство, ни правоприменительная практика, ни доктрина не содержат хотя бы абстрактно сформулированной дефиниции добросовестности.

При этом попытки сформулировать критерии, относящиеся к данной категории в контексте определенных правоприменительных ситуаций, встречаются.

Например, в одном из своих обзоров судебной практики Верховный Суд РФ определил, что при заключении договора банковского вклада действиям сторон необходимо давать оценку как добросовестным или недобросовестным, исходя из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей².

Подобные определения не раскрывают многогранную сущность категории «добросовестность» и предопределяют необходимость поиска более абстрактных форм обобщения признаков рассматриваемой категории, что одновременно предполагает рассмотрение лексико-семантической и религиозно-философской составляющих понятия «добросовестность».

Для более глубокого понимания сущности рассматриваемого понятия необходимо исследовать по отдельности синтагмы, его составляющие, — добро и совесть.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

В русском языке слово «добро» берет свое начало из старославянского «добръ» и вытекающего из него древнерусского «добр», «добра», «добро»³.

Таким образом, слово «добро» является в русском языке древней смысловой единицей.

По Толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля, добро следует понимать как наиболее общеоценочное понятие, обозначающее позитивный аспект человеческой деятельности⁴. В духовном значении добро — это «благо, что честно и полезно, все чего требует от нас долг, человека, гражданина, семьянина; противоположно худу и злу; добро — это так же хорошо, ладно, по правде, путем, порядком; имущество, достаток; добрый, о вещи, добротный, доброкачественный, крепкий, плотный, прочный, ценный, статный, видный; о скоте, полный, дородный, сытный; о человеке, дельный, сведущий, умеющий, усердный, исправный, добро любящий, добро творящий, склонный к добру, ко благу; мягкосердный, жалостливый, притом иногда слабый умом и волей»⁵.

Из приведенного следует, что понятием «добро» характеризуется в русском языке не только деятельность человека, но также и предметы материального мира. При этом референция такого широкого круга явлений через рассматриваемое понятие наполняет последние порой совершенно различным смыслом но, как правило, содержанием позитивного характера.

Наиболее подробным образом исследовал понимание добра в прошлом и современности кандидат юридических наук Т.В. Новикова. В частности, анализируя труды различных мыслителей, а также исследовав понятие с точки зрения эвдемонизма, релятивизма, неопозитивизма, марксизма, материализма, идеализма, Т.В. Новикова пришла к выводу, что добро является принципиально неопределяемым и бесконечно вариативным «в зависимости от моральных и материальных установок народа и отдельной личности», при этом в каждую конкретную эпоху категория добра наполняется

всем тем, что относится к хорошему, положительному⁶.

С перечисленными выводами Т.В. Новиковой, по нашему мнению, нельзя не согласиться, поскольку при размышлении над этими вопросами ряд философов в области права делают подобные выводы.

Например, В.С. Соловьев, заслуженно относимый к родоначальникам религиозно-нравственной философии права в России, приводил следующие рассуждения: «Нет и не было такого людского племени, которое не придавало бы своему понятию добра (каково бы оно ни было) значения постоянной и всеобщей нормы и идеала. Краснокожий индеец, поставлявший себе в добродетель скальпировать как можно больше человеческих голов, признавал это добром и доблестью не на сегодня только, а на всю жизнь, и не для себя одного, а для всякого порядочного человека. Эскимос, видящий высшее благо в наибольшем запасе гнилого жира от тюленей и трески, несомненно, придает своему идеалу значение общегодного»⁷.

Исторический экскурс ученого показывает, подтверждая нашу позицию, что понятие «добро» — это форма, которой облекаются все явления, являющиеся для того или иного общества, всем что оценивается таковым как исключительно верное и положительное.

Уникальное понимание юридических категорий в различных культурных традициях требует рассмотрения категории «добросовестность», а также понятий «добро» и «совесть» в российской правовой культуре. С нашей точки зрения, рассмотрение указанных аспектов добросовестности позволяет очертить более четкие рамки понятия в контексте его понимания и применения при формулировании правовых категорий в российской науке и правоприменительной практике.

При этом необходимо отметить, что в исследованиях, посвященных добросовестности и категорий, ее составляющих, не встречается работ, подвергавших рассматриваемые понятия изучению в рамках концепции национального российского правосознания.

Рассуждая о российском правопонимании, философ в области права В.П. Малахов отмечает: «Своеобразие российской духов-

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева ; под ред. и предисл. Б.А. Ларина. 3-е изд., стереотип. СПб. : Терра-Азбука, 1996. С. 520.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка : в 4 т. Т. 1: А — З. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 410.

⁵ Там же.

⁶ Новикова Т.В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Краснодар, 2008. С. 17.

⁷ Соловьев В.С. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С. 95–96.

ности заключено в базовом сочетании религиозности и моральности. Религиозность в российской культуре характеризуется высокой эстетико-эмоциональной настроенностью, склонностью к экстатической сосредоточенности на веровании. Она связана с установкой на органическую, душевно-духовную связанность людей в служении Богу и миру, сплоченностью в вере. Эта установка синтезирована в идее соборности»⁸.

Следовательно, религиозность и моральность в российском правосознании имеет существенное значение, в связи с чем данный аспект необходимо принимать во внимание при исследовании понимания правовых категорий национального законодательства.

В своих трудах один из идеологов политико-правовых идей славянофильства И.В. Киреевский, проводя мысль об особой роли христианства в судьбе России, утверждал: «Православие составляет душу России. Именно в православии возможно проявление высших потенций человека — любви, добротолубия, соборности, свободной стихии духа, устремленности к творчеству»⁹.

Вывод данного ученого позволяет констатировать, что именно христианство является фундаментальной основой для понимания добра в российской культуре.

Показанные черты российского менталитета отражаются также и на правовой сфере деятельности. По этому поводу, говоря о праве в рамках духовно-культурологического подхода, доктор юридических наук В.В. Сорокин сделал следующий вывод: сущность русского права отражают абсолютные духовные (православные и морально-нравственные) идеалы истины (любви), добра и красоты¹⁰.

Таким образом, можно констатировать, что понятие «добро» является в российской христианской культуре также правовым понятием.

Вместе с тем добро в христианстве — это действия, приносящие счастье и не причиняющие никому вреда, ущерба, боли, страданий. В христианстве самым главным представителем и источником добра считается Бог. Объективным критерием до-

бра (так же как и блага) является соответствие его воле Божией¹¹.

Из приведенного следует, что христианское понимание добра имеет рамки, сформированные посредством канонических предписаний, часть из которых и следует вкладывать в понимание добросовестности в российском праве и сегодня. Посредством учета данных положений понятие «добро» воспринимается как объективный моральный и ценовой показатель, эталон, в котором концентрируются все явления, заслуживающие положительной оценки и к которому необходимо стремиться.

Другая семантическая единица, входящая в добросовестность, — «совесть», является понятием, заимствованным из церковнославянского языка¹².

Распространенным является мнение, исходя из которого слово «совесть» в русский язык было перенесено посредством прямого калькирования из европейских языков, путем присоединения приставки, переводящейся как «со» или «с» к слову, переводящемуся как «знание» или «ведение». Например, приставка *con* и слово *science* в слове *conscience* (английский), приставка *con* и слово *ciencia* в слове *conciencia* (испанский), приставка *Ge* и слово *wissen* в слове *Gewissen* (немецкий)¹³.

Позволим себе не согласиться с данной точкой зрения, поскольку прямой перевод по предложенному алгоритму указанных иностранных слов дает аналог понятию «сознание». И хотя переводить указанные слова на русский язык принято как совесть, тем не менее их смысловое содержание является близким, исходя из прямого перевода, к слову «знание».

К тому же слово «совесть» имеет в русском языке древние корни и берет свое начало из церковнославянского языка, а значит, имеет самостоятельное, обособленное и длительное развитие.

Особого внимания заслуживает позиция по данному вопросу В.В. Сорокина, который указывает, что с дохристианских времен соборность означает для русского народа целост-

⁸ Малахов В.П. Основы философии права : учеб. пособие. М. : Академический Проект: Культура, 2005. С. 155.

⁹ Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М. : Институт русской цивилизации, 2007. С. 41–50.

¹⁰ Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России : монография. М. : Проспект, 2007. С. 127.

¹¹ Академик. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/152963> (дата обращения: 10.06.2017).

¹² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева ; под. ред. и предисл. Б.А. Ларина. 3-е изд., стереотип. СПб. : Терра-Азбука, 1996. С. 705.

¹³ Живое слово. Забытая этимология древнего языка. URL: <http://korneslov.ru/publ/21-1-0-59>. (дата обращения: 06.06.2017).

ное единство людей на основе любви к одним и тем же абсолютным ценностям. Такое понимание соборности соответствовало древнерусскому понятию «лад» и было неразрывно связано с общинной жизнью русского народа. Само древнерусское понятие «совесть» предполагало соотнесение личного и соборного чувства — то, что тревожит душу человека, когда он совершает недобрый поступок по отношению к Богу или ближнему. Слово «совесть» составлено из двух основ: со-весть — соборная весть. Русский человек издревле соборный, все происходящее с ним, его поступки и отношения на духовном уровне согласовываются с Собором всего русского народа, во главе которого сам Господь Бог. Если человек совершает дурное дело, это таинственным образом отражается болью в его душе («Если совесть твоя осуждает тебя, то тем паче Бог...»)¹⁴.

В свете уже сказанного о российском христианском менталитете гипотеза В.В. Сорокина представляется нам наиболее обоснованной.

Кроме того, комплексный словарь русского языка определяет совесть как чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом¹⁵.

Такое определение указывает на совесть как моральный регулятор, а также как на категорию, имеющую в сочетании с другими словами широкий спектр вариативности.

Превознося совесть превыше всех остальных регуляторов человеческого поведения, И.А. Ильин, признающийся великим русским философом и теоретиком права, высказался следующим образом: «То, на что указывает нам совесть, к чему она зовет, о чем она нам вещает, есть нравственно совершенное; не «самое приятное», не «самое полезное», не «самое целесообразное»¹⁶.

Следовательно, совесть обязывает совершать нравственные поступки.

Анализ приведенных точек зрения позволяет нам сделать вывод о том, что совесть является высшей формой самоконтроля, которую можно охарактеризовать как способ-

ность, чувство или механизм, побуждающие к истине и добру, вызывающие неприятие лжи.

Но при такой формулировке складывается впечатление, будто использование в комплексном понятии «добросовестность» слова «добро» не является обязательным, так как ссылка на совесть при такой постановке вопроса в ситуациях формулирования в правовых нормах требования к адресату поступить с добрыми намерениями была бы достаточной.

Однако при более углубленном анализе понятия становится понятным, что ссылка на одну только совесть в указанных случаях недостаточно, поскольку существуют разные уровни понимания совести, что обуславливает возможность существования и недоброй совести.

Размышляя на эту тему, И.А. Ильин, отмечал: «Человек, которому не удастся поднять себя до совести, начинает опускаться до себя. Не умея примирить себя с нею, он начинает толковать и даже воспринимать ее как якобы «готовую на уступки». Те содержания, которые совесть дает или на которые она вам указывает, начинают перетолковываться в «нужном» направлении или просто искажаться; человек произвольно излагает или формулирует их, постепенно приближая к повседневным соображениям о жизненной целесообразности и житейской пользе. Отсюда возникает постепенно новое понимание совестного акта, в корне неверное и вредоносное»¹⁷.

Этот обоснованный тезис указывает на то, что степень выхода из-под обоснованного и нравственного контроля совести может варьироваться.

Анализ приведенных точек зрения показывает, что со стороны совести возможны и положительные характеристики безнравственных поступков. В этой связи становится очевидным, что оценка совести, с точки зрения добра, является необходимой в понятии «добросовестность».

Подводя итог рассмотрению понятий «добро» и «совесть», необходимо отметить, что простое сложение их смысла даст лишь поверхностное понимание получившейся категории, что заставляет прибегнуть к более подробному исследованию понятия «добросовестность».

По словарю С.И. Ожегова, добросовестный — это честный, выполняющий свои обязанности¹⁸.

¹⁷ Там же. С. 103.

¹⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под

¹⁴ Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. С. 331.

¹⁵ Тихонов А.Н., Тихонова Е.Н., Тихонов С.А. и др. Комплексный словарь русского языка / под ред. д-ра филол. наук А.Н. Тихонова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. — Медиа; Дрофа, 2009. С. 1000.

¹⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления / сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 94.

Подобным образом определяет рассматриваемое понятие комплексный словарь русского языка, по которому добросовестный — это такой, который честно и старательно выполняет свои обязанности, обязательства; такой, который выполнен тщательно, усердно. Является антонимом понятию недобросовестный.

Указанные описания понятия «добросовестность» указывают на различные его признаки, которые можно охарактеризовать тем, что они все описывают поведение, прошедшее совестную оценку и получившее максимальную нравственную характеристику.

Лексикограф В.И. Даль дает слову «добросовестность» следующие значения: добрая совесть, праводушие, честность, правдивость, строгая богобоязненность в поступках, честность, доброжелательность, благонамеренность¹⁹.

В данном определении важно обратить внимание на то, что, по мнению составителя словаря, добросовестность обозначена как строгая богобоязненность.

Такое определение отражает уникальное понимание добросовестности в национальном российском восприятии и толковании, что гармонирует с уже сказанным выше о понимании добра и совести в христианской трактовке.

Добросовестность, как строгая богобоязненность, исходя из этого, представляет прямое производное от понятия «добро» и может означать только необходимое и строгое стремление ко всему правильному и положительному.

Экстраполяция выводов о добре и совести на понятие «добросовестность» позволяет отнести последнее к правовым христианским категориям.

В свете сказанного добросовестность можно охарактеризовать как правовую категорию, позволяющую оценить поведенческие акты со стороны совести как механизма, опирающегося на объективные критерии, вытекающие из христианских канонов, на предмет их соответствия самым высоким эталонам нравственности. Данные эталоны в контексте семантической единицы «добросовестность» принято выражать в таких понятиях, как честность, усердность, аккуратность, внимательность, исполнительность, исправность, пунктуальность, рачительность, старательность и т.д.

общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс», 2006. С. 165.

¹⁹ Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. С. 412.

Литература

1. Академик. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/152963>. (дата обращения: 10.06.2017).
2. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка : в 4 т. Т. 1: А — З / В.И. Даль. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 640 с.
3. Живое слово. Забытая этимология древнего языка. URL: <http://korneslov.ru/publ/21-1-0-59> (дата обращения: 06.06.2017).
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления / сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов / И.А. Ильин. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.
5. Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни / И.В. Киреевский. М. : Институт русской цивилизации, 2007. 448 с.
6. Малахов В.П. Основы философии права : учеб. пособие / В.П. Малахов. М. : Академический Проект: Культура, 2005. 240 с.
7. Новикова Т.В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Т.В. Новикова. Краснодар, 2008. 192 с.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М. : ООО «Издательство Оникс», 2006. 976 с.
10. Соловьев В.С. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов / В.С. Соловьев. М. : Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.
11. Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России : монография / В.В. Сорокин. М. : Проспект, 2007. 480 с.
12. Тихонов А.Н. Комплексный словарь русского языка; под ред. д-ра филол. наук А.Н. Тихонова. 4-е изд., стереотип. / А.Н. Тихонов, Е.Н. Тихонова, С.А. Тихонов. М. : Рус. яз. — Медиа; Дрофа, 2009. 1228 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева ; под ред. и предисл. Б.А. Ларина. 3-е изд., стереотип. / М. Фасмер. СПб. : Терра-Азбука, 1996. 576 с.

Прокурорское дознание в Российской империи

*Горбачев Василий Павлович,
адвокат,
кандидат юридических наук, доцент
gorvp58@mail.ru*

В статье рассмотрены правовые основания и практика проведения прокуратурой дознания в Российской империи после Судебной реформы 1864 г.

Ключевые слова: судебная реформа, прокуратура, полиция, дознание, следственные действия.

Prosecutorial Interrogation in the Russian Empire

*Gorbachev Vasily P.,
Attorney,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article considers the legal basis and practice of conducting by the Prosecutor's office of inquiry in the Russian empire after the judicial reform of 1864.

Key words: judicial reform, the Prosecutor's office, police, inquiry, investigative actions.

Судебная реформа 1864 г. коренным образом изменила уголовный процесс России, однако некоторые вопросы оставила без нормативного регулирования, что на практике вызывало определенные дискуссии. Среди таких вопросов был и вопрос о прокурорском дознании.

В результате судебной реформы прокуратура была наделена обвинительной властью, под которой понималось обнаружение преступлений и преследование виновных¹. Задачу обнаружения преступлений выполняло дознание, под которым закон понимал сбор сведений, необходимых для удостоверения в том, что происшествие действительно произошло и что оно соединено с преступлением или проступком².

Законы 1860 г., которые ввели понятие дознания и возложили его проведение на полицию, не предусматривали участие прокуратуры в дознании или в надзоре за его проведением. В этом отношении некоторые права прокуратуре предоставили «Основные положения преобразования судебной части в России» 1862 г., которые предусматривали, что по производству дознания о преступлениях и проступках полицейские состоят в непосредственной зависимости от

прокурора. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС) детализировал полномочия прокуратуры в сфере дознания. Однако ее права по «обнаружению преступлений» современники характеризовали как крайне ограниченные. Член Виленского окружного суда А.А. Соколов отмечал, что в области дознания прокурор сам непосредственно, собственной властью ничего не мог сделать; он мог действовать только через полицию, которая по производству дознания была в непосредственной зависимости от него (ст. 279 УУС)³.

В правовых нормах, регулировавших общий порядок уголовного судопроизводства, отсутствовало прямое указание на право прокурора непосредственно проводить дознание. А в особых порядках судопроизводства в первые годы после проведения судебной реформы такое право было предусмотрено только по государственным преступлениям. Устав уголовного судопроизводства (ст. 1036) предусматривал, что по этим преступлениям прокурор судебной палаты до начала предварительного следствия при необходимости мог поручить проведение дознания местному прокурору или его товарищу, или же полиции. И практика показала, что в течение первых 4–5 лет после судебной реформы все сведения о государ-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 38761. Ст. 4. С. 154.

² Там же. Т. 35. Отд. 1. СПб., 1862. № 35892. Ст. 3. С. 725.

³ Соколов А.А. Практическое руководство для судебных следователей. Т. 1. Вильна, 1891. С. 156.

ственных преступлениях, обнаруженных полицией, поступали непосредственно в прокуратуру и проверялись ею посредством дознаний, которые проводились лично работниками прокуратуры окружного суда⁴.

Однако закон от 19 мая 1871 г. проведение дознания по государственным преступлениям передал корпусу жандармов, а проведение дознания прокуратурой не предусматривал. В то же время закон установил, что по делам «особенно важным» дознание производится лицом, особо назначаемым императором. Таким лицом мог быть и прокурор. Например, по докладу министра внутренних дел «о мерах к успешнейшему преследованию «социалистических тайных обществ, направивших все усилия свои к ниспровержению существующего государственного строя» («южно-русского рабочего союза» и «однородных с ним кружков злоумышленников»), император 5 августа 1881 г. назначил военного прокурора Киевского военно-окружного суда генерал-майора Стрельникова для производства дознаний о государственных преступлениях, совершаемых лицами, принадлежавшими к составу указанных выше социалистических обществ. Военный прокурор должен был действовать под непосредственным руководством министров внутренних дел и юстиции, а органы жандармерии и общей полиции должны были оказывать ему «полное содействие» и исполнять его требования и поручения⁵. Однако 18 марта 1882 г. в связи с исполнением указанного поручения Стрельников был убит в Одессе членами «русской социально-революционной партии»⁶.

По другим преступлениям закон не предусматривал право прокуратуры проводить дознание. В то же время закон и не запрещал прокурорам делать это. Прямой запрет был установлен только на проведение прокуратурой предварительного следствия (ст. 278 УУС).

В связи с отсутствием прямого нормативного закрепления права проведения дознания лично работниками прокуратуры на этот вопрос в литературе и на практике не было единого взгляда.

Многие прокуроры считали, что они не могут проводить дознание, так как в законе это право не предусмотрено, к тому же про-

изводство прокуратурой дознания не соответствовало основным началам судебных уставов. Исходя из такой позиции и «желая стоять на законной почве», некоторые прокуроры шли обходным путем. Как свидетельствует ревизионный отчет 1895 г. по одному из судебных округов, прокуроры для производства дознания, возбужденного по их инициативе, приглашали полицейских; при этом протоколы дознания составлялись прокурорами, а подписывались полицейскими и якобы только присутствовавшими при дознании работниками прокуратуры⁷.

Некоторые работники прокуратуры, хотя и считали проведение дознания «как бы не вполне законным», все же иногда проводили его⁸. А многие прокуроры прямо считали, что они имеют право проводить дознание.

В теории также не было единого мнения. И.Я. Фойницкий отмечал, что прокуратура сама дознание не производит и не уполномочена прибегать непосредственно к каким бы то ни было мерам, входящим в его область⁹. Однако другие авторы обосновывали право прокурора лично проводить дознание. А.А. Квачевский исходил из того, что право прокуратуры проводить дознание вытекало из ее права возбуждать уголовное преследование, так как для удостоверения противозаконности деяния необходимо провести дознание¹⁰. В.К. Случевский утверждал, что лица прокурорского надзора должны быть причислены к лицам, имеющим право непосредственно проводить дознание, так как такая их деятельность, «вызываясь иногда необходимостью, не встречает препятствий в свойстве присущей им власти». Он же отмечал, что дознание решает вопрос о том, возбуждать ли уголовное преследование, а поэтому право на его производство должно находиться в руках тех органов, которые возбуждают преследование¹¹. С.И. Викторский также считал, что, если прокуратура имеет право уголовного преследования, то долж-

⁷ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 3. СПб., 1897. Раздел 2. С. 97.

⁸ Там же. С. 96–97.

⁹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996. С. 376.

¹⁰ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. Ч. 2. СПб., 1867. С. 58–59.

¹¹ Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 509.

⁴ Н. Суд и государственные преступления // Юридический вестник. 1881. № 1. С. 70.

⁵ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 278. Л. 104 — 106 об.

⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 13. Д. 7. Л. 20–21.

на быть уполномочена и на производство дознания, так как иначе во многих случаях, «не дознавшись, не убедившись из негласных расспросов», она не может возбуждать преследование. Кроме того, без права на дознание прокурор не мог бы привлекать к ответственности полицию за упущения и беспорядки по следственной части, так как «едва ли удобно» поручать проверку сведений об этих упущениях той же полиции, а не проводить самому¹².

На практике прокуратура дознание проводила, однако в редких случаях¹³. Например, за 1892–1894 гг. такие дознания проводились прокуратурами только половины окружных судов (45 из 87, т.е. 51,7%). При этом проведено только 178 дознаний, т.е. в среднем одной прокуратурой окружного суда — 0,7 дела в год¹⁴.

Такое положение объяснялось тем, что, с одной стороны, многие прокуратуры не признавали свое право проводить дознание, а с другой стороны, даже те прокуратуры, которые это право не подвергали сомнению, использовали его в редких случаях главным образом из-за малочисленности штата прокуратуры¹⁵.

Необходимость производства дознания прокуратурой определялась в каждом отдельном случае прокурором судебной палаты или прокурором окружного суда. Мотивы такой необходимости были разными, среди них указывались: место совершения преступления (тюрьма, монастырь и т.п.), характер преступления или происшествия, особое служебное или общественное положение лица, о котором проводится дознание; необходимость сохранить в тайне данные дознания; недоверие к объективности действий полиции; если до прибытия полиции могут исчезнуть следы преступления; необходимость привлечения полиции к ответственности за упущения и беспорядки по следственной части и т.п.¹⁶

¹² Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 320–321.

¹³ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 3. С. 95–97.

¹⁴ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 6. СПб., 1897. С. 185–197.

¹⁵ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 3. С. 97.

¹⁶ Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий.

На практике прокуроры проводили дознание в наиболее сложных и важных случаях. По свидетельству А.Ф. Кони, будучи прокурором окружного суда, он поручал товарищам прокурора проведение лично дознания по некоторым информациям об убийствах. Лично он проводил дознания с целью проверить объективность составленных полицией протоколов о нарушениях, беспристрастно закрепить имеющиеся доказательства по некоторым должностным преступлениям и т.п.¹⁷

Проведение дознания прокуратурой положительно отражалось на деле¹⁸. В своих воспоминаниях А.Ф. Кони указал примеры, когда в результате дознания, проведенного прокуратурой, не подтвердилась информация полиции о якобы совершенном убийстве, и, наоборот, когда опровергнуты выводы полиции о несчастном случае, хотя в действительности совершено убийство. По одному из дел о шантаже в результате проведенного прокуратурой дознания обвинители стали обвиняемыми и в дальнейшем осуждены судом присяжных¹⁹.

Средства проведения дознания прокуратурой были ограниченными. А.А. Квачевский отмечал, что деятельность прокурора по проведению дознания ограничивалась: а) принятием объяснений и жалоб, отображением показаний, данных при их подаче, и составлением об этом протокола (ст. 306 УУС) и б) сбором сведений посредством негласного полицейского разведывания (ст. 312 УУС); при производстве дознания прокуроры пользовались теми же правами, что и полиция, кроме права принимать меры пресечения и проводить следственные действия²⁰.

Часть вторая. СПб., 1882. С. 303; Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 3. С. 96; Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 5. С. 89; Кони А.Ф. Из харьковских воспоминаний // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1966. С. 55; Он же. Приемы и задачи прокуратуры (Из воспоминаний судебного деятеля) // Собр. соч. Т. 4. М., 1967. С. 172–173; Квачевский А. Указ. соч. С. 59.

¹⁷ Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры. С. 172–177.

¹⁸ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 3. С. 97.

¹⁹ Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры. С. 172–173, 177.

²⁰ Квачевский А. Указ. соч. С. 60.

Закон предусматривал, что проверка обвинений и жалоб о преступных деяниях проводилась путем «расспросов» подавших их лиц; другие средства проверки закон не указывал (ст. 306–307 УУС). И на практике дознание, проводившееся прокурорами, обычно не выходило из пределов расспросов²¹. При этом закон не предусматривал право прокурора вызывать к себе свидетелей, потерпевших и подозреваемых лиц для получения объяснений²². Поэтому приглашенные лица могли отказаться от явки в прокуратуру, а прокурор не имел никаких правовых средств для воздействия на них²³. В связи с этим в середине 90-х годов XIX столетия высказывались предложения о расширении полномочий прокуратуры по производству дознаний. Для этого предлагалось предоставить ей право вызывать повестками и допрашивать свидетелей и других лиц, а также право штрафовать и подвергать их приводу в случае неявки. Кроме того, предлагалось предоставить прокуратуре право проводить следственные действия на тех же основаниях, на которых их проводила полиция²⁴. Предложение предоставить прокурорам и их товарищам право совершать первоначальные следственные действия (осмотры, освидетельствования, обыски и выемки) еще раньше было высказано специальной правительственной комиссией, созданной в 1869 г. для пересмотра законов о порядке производства предварительного следствия²⁵.

В некоторых случаях дознание сводилось к негласному сбору сведений. В ревизионных отчетах указывалось, что прокуратуре иногда приходилось проводить негласные дознания о действиях должностных лиц судебного ведомства по конфиденциальным поручениям, однако эти дознания не обле-

кались в письменную форму и представляли сбор негласным путем сведений о действиях того или другого должностного лица²⁶. Имеются сведения о проведении прокурором дознания по доносу на судей, которых обвиняли в служебных проступках и даже в политической неблагонадежности²⁷.

В связи с отсутствием правового регулирования вопросов проведения прокуратурой дознания в начале 80-х годов XIX в. работники прокуратуры высказали предложения о закреплении этого права прямо в законе²⁸. Данный вопрос обсуждался и в середине 1890-х годов, когда проводилась подготовительная работа к изменению Устава уголовного судопроизводства. На специальном совещании старших председателей и прокуроров судебных палат, состоявшемся 28–29 декабря 1894 г. под руководством сенатора А.Ф. Кони, прокурор Казанской судебной палаты А.А. Чернявский отметил, что на практике право прокуратуры непосредственно проводить дознание иногда возбуждало сомнения; поэтому весьма желательно точнее оговорить это право в самом законе²⁹. Предложения предусмотреть непосредственно в законе право прокурора проводить дознание высказаны в 1895 г. и в некоторых отчетах по результатам ревизий судебных учреждений³⁰.

В правительственной комиссии, которая с середины 90-х годов XIX в. разрабатывала изменения в Устав уголовного судопроизводства, на вопрос о праве прокуратуры проводить дознание не было единого взгляда. По мнению трех членов комиссии (В. Р. Завадского, В. Н. Семенова и И. Г. Щегловитова), прокуратура даже в исключительных случаях не должна непосредственно проводить дознание. Однако большинство комиссии (в том числе А.Ф. Кони, В.К. Случевский, В.Д. Спасович) полагало, что по существу своего положения, как руководителя полиции, прокуратура при производстве

²¹ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 3. С. 18.

²² Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры. С. 173–176.

²³ Материалы для пересмотра законоположений... С. 303; Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 5. С. 84.

²⁴ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 1. СПб., 1895. С. 154; Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 5. С. 87–89.

²⁵ Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. Приложение первое. СПб. 1883. С. 232, 239.

²⁶ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 3. С. 96, 98.

²⁷ Государственный архив Ростовской области. Ф. 835. Оп. 1. Д. 226. Л. 31 об.

²⁸ Материалы для пересмотра законоположений... Часть вторая. С. 303–304.

²⁹ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 1. С. 154, 160, 161.

³⁰ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 5. С. 73–74, 89.

дознания не может пользоваться меньшими полномочиями, чем подчиненные ей чины полиции. В то же время большинство комиссии признало обоснованность доводов меньшинства относительно процессуальных затруднений, которые могут возникнуть при проведении дознания прокуратурой. Поэтому было признано необходимым ограничить эту меру исключительными случаями и условием, чтобы прокуроры окружных судов и их товарищи непосредственно проводили дознание только по распоряжению прокурора судебной палаты (ст. 136 проекта)³¹.

Такая редакция этой нормы вызвала замечание в печати в том отношении, что она будет слишком замедлять расследование прокуратурой дел по горячим следам. Отмечалось, что, если будет условие особого каждый раз распоряжения прокурора судебной палаты, то дознание прокуратурой будет проводиться чрезвычайно редко. Поэтому предлагалось предусмотреть право проводить дознание и по усмотрению прокурора окружного суда³². С учетом высказан-

ных предложений министр юстиции изменил редакцию указанной статьи и добавил, что работники прокуратуры дознание проводят по распоряжению не только прокурора судебной палаты, но и прокурора окружного суда³³. Однако указанные предложения не были реализованы, так как новая редакция Устава уголовного судопроизводства не была принята.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на законодательном уровне право прокуратуры проводить дознание признавалось непродолжительное время только по государственному преступлению. По остальным преступлениям закон не содержал никаких указаний по этому вопросу. В связи с нормативной неопределенностью право проведения прокуратурой дознания не было общепризнанным, а пробелы законодательного регулирования восполнялись практикой деятельности прокуратуры, которая дознание проводила в редких случаях. В законопроектной деятельности это право также ограничивалось только исключительными случаями.

³¹ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части : Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1900. С. 166–168.

³² Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1900. Кн. 7. С. 350.

³³ Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства, выработанный Высочайше учрежденною Комиссиею для пересмотра законоположений по судебной части и измененный министром юстиции. СПб., 1901. С. 82.

Литература

1. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. 2-е изд. / С.И. Викторский. М. : тип. Императорского Московского университета, 1912. 404 с.
2. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1900. Кн. 7.
3. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб. : Сенатская тип., 1900. 399 с.
4. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 1. СПб. : Тип. Правит. Сената, 1895. 354 с.
5. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 3. СПб. : Тип. Правит. Сената, 1897. Раздел 2. 667 с.
6. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 5. СПб. : Тип. Правит. Сената, 1897. 578 с.
7. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды. Т. 6. СПб. : Тип. Правит. Сената, 1897. 403 с.
8. Государственный архив Ростовской области. Ф. 835. Оп. 1. Д. 226.
9. Государственный архив Одесской области. Ф. 2. Оп. 13. Д. 7; Ф. 5. Оп. 1. Д. 278.
10. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Ч. 2 / А. Квачевский. СПб. : Тип. Ф.С. Сущинского, 1867. 371 с.
11. Кони А.Ф. Из харьковских воспоминаний / Кони А.Ф. // Собрание сочинений. Т. 1. М. : Изд-во «Юрид. лит.», 1966. 568 с.
12. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры (Из воспоминаний судебного деятеля) / Кони А.Ф. // Собрание сочинений. Т. 4. М. : Изд-во «Юрид. лит.», 1967. 544 с.
13. Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. Часть вторая. СПб. : Тип. Правит. Сената, 1882. 428 с.
14. Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. Приложение первое. СПб. : Тип. Правит. Сената, 1883. 241 с.

15. Н. Суд и государственные преступления // Юридический вестник. 1881. № 1.
16. Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства, выработанный Высочайше учрежденною Комиссиею для пересмотра законоположений по судебной части и измененный министром юстиции. [СПб., 1901 : Б. м., б. г.]. 958 с.
17. Соколов А.А. Практическое руководство для судебных следователей. Т. 1 / А.А. Соколов. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1891. 575 с.
18. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. 4-е изд. / В. Случевский. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 670 с.
19. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / И.Я. Фойницкий. СПб. : Изд-во «Альфа», 1996. 607 с.

Особенности правовой системы советской России (1917 – 1920-х годов)

*Ваганов Артем Михайлович,
кандидат юридических наук
artem-vaganov-1986@mail.ru*

В настоящей статье затрагивается актуальная проблематика, связанная со спецификой советской правовой системы, сформировавшейся в 1917 — 1920-х годах. Делается вывод о значимом влиянии на советскую правовую систему марксистско-ленинской идеологии, в рамках которой существовало негативное восприятие таких институтов, как государство и право. Отмечается, что советская государственно-правовая наука видела в качестве основного источника права революционное правосознание, понимая под ним выработанное трудящимися представление о должном порядке, диктуемое революционной необходимостью. В статье анализируется толкование категории «законность» советскими юристами и делается вывод, что данный термин определялся ими как порядок, признаваемый органами пролетарской диктатуры целесообразным, при этом отмечается, что советскими правоведами допускалось отступление от текста закона, если он не отвечал требованиям революции, революционному правосознанию. Автор подчеркивает, что данные теоретические взгляды кардинальным образом отличались от западной доктрины, в соответствии с которой законность обозначала прежде всего неукоснительное исполнение закона, верховенство закона во всех сферах жизни общества, связанность правом не только граждан государства, но и власти. В статье обращается внимание на значимость актов, исходящих от РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б), для правовой системы советского общества. Выявляются способы воздействия Коммунистической партии на советскую правовую систему.

Ключевые слова: *российская государственность и правовая система, советская правовая система, революционное правосознание, революционная совесть, революционная законность, акты РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б).*

Peculiarities of Legal System of Soviet Russia (1917–1920)

*Vaganov Artem M.,
Candidate of Legal Sciences*

This article deals with the actual problems associated with the specifics of the Soviet legal system, which was formed in the years 1917–1920. A conclusion is made about the significant influence on the Soviet legal system of Marxist-Leninist ideology, within which there was a negative perception of such institutions as the state and law. It is noted that the Soviet state-legal science saw as the main source of law revolutionary legal consciousness, understanding under it the working-class idea of a proper order, dictated by revolutionary necessity. The article analyzes the interpretation of the category of «legality» by Soviet lawyers and concludes that this term was defined by them as an order that is considered expedient by the bodies of the proletarian dictatorship, while it notes that Soviet jurists were allowed to deviate from the text of the law if it did not meet the requirements of the revolution, revolutionary sense of justice. The author points out that these theoretical views radically differed from the Western doctrine, according to which legality meant, first of all, strict enforcement of the law, the rule of law in all spheres of society's life, the connection not only

between the citizens of the state, but also of the authorities. The article draws attention to the significance of the acts emanating from the RSDLP(b), the RCP(b), the CPSU(b), for the legal system of the socialist society. The methods of influence of the Communist Party on the Soviet legal system are revealed.

Key words: *Russian statehood and legal system, Soviet legal system, revolutionary sense of justice, revolutionary conscience, revolutionary legitimacy, acts of the RSDLP(b), RCP(b), CPSU(b).*

Советский период развития государства и права в истории российской государственности и правовой системы представляет большой научный интерес. Во-первых, в октябре 1917 г. произошло насильственное изменение вектора развития общественных и государственно-правовых институтов России. Во-вторых, именно с этого момента фактически впервые в истории началось полноценное строительство государственно-правовых институтов на принципиально новых теоретических и идеологических основах марксизма-ленинизма. Следует отметить, что к 1917 г. в истории была предпринята попытка построить пролетарское государство только однажды — весной 1871 г. в Париже.

Обратим внимание на особенности советской правовой системы, формировавшейся в 1917 — 1920-х годах, которые пришли на смену юридической доктрине, действовавшей в Российской империи.

Прежде всего, в рамках марксистско-ленинской идеологии существовало негативное восприятие таких институтов, как государство и право. Право, как и государство, воспринималось в качестве орудия эксплуататорских классов. В.И. Ленин не видел в праве, впрочем, как и в морали и в нравственности, общесоциальной сущности. По его мнению, нет каких-либо общечеловеческих ценностей, есть только классовая интерпретация морали, нравственности и права. Следовательно, в советском государстве, как представлялось политику, эти категории можно будет считать жизнеспособными лишь в том случае, если они станут воплощением интересов пролетариата¹.

Данные теоретико-идеологические представления во многом повлияли на то, что в рассматриваемый период фактически главным источником права было революционное правосознание. Научной основой стала психологическая теория права, у истоков которой стоял российско-польский правовед начала XX в. Л.И. Петражицкий. В соответствии с положениями указанной теории именно правосознание, а не

норма права и не правоотношение ложатся в фундамент правовой реальности². Советский ученый-юрист М.А. Рейснер на основе данной теории вывел существование классового правосознания, в том числе и пролетарского, которое, по словам ученого, «вырабатывается вне каких бы то ни было официальных рамок угнетенной и эксплуатируемой массой»³. Помимо разработки теоретических взглядов на доктринальном уровне, значимость революционного правосознания была закреплена законодательно. Так, например, в Декрете о суде № 1 прописывалось положение, в соответствии с которым судам в случае противоречия законодательства и революционного правосознания надлежало руководствоваться последним⁴.

Что же собой представляло такое правовое явление, как революционное правосознание? Современный российский правовед И.В. Абдурахманова, посвятив свой научный труд исследованию трансформации массового правосознания в России в первой четверти XX в., достаточно полно раскрывает характерные черты данного понятия, среди которых наиболее важными признаками являются детерминированность идеологическим и морально-революционным началом, негативное отношение к действующим нормативным правовым актам, подмена законности революционной целесообразностью⁵. В декретах о суде № 1 (1917 г.), № 2 (1918 г.), № 3 (1918 г.), помимо революционного правосознания, упоминался еще термин «революционная совесть»⁶. Российский ученый-юрист

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. М., 1981. С. 30, 309–313.

² Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1 // Все о праве: компас в мире юриспруденции. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc108p/instrum4914/>

³ Рейснер М.А. Право: Наше право. Чужое право. Общее право. Л.; М.: Госиздат, 1925. С. 20.

⁴ Декрет СНК РСФСР «О суде» от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

⁵ Абдурахманова И.В. Трансформация массового правосознания в России в первой четверти XX в.: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 24–25.

⁶ Декрет СНК РСФСР «О суде» от 24 ноября 1917 г.; Декрет ВЦИК «О суде» от 7 марта 1918 г. № 2 //

И.А. Исаев дает следующую интерпретацию разграничения данных понятий. По его мнению, «Революционная совесть»... означала субъективную способность осознать и применить революционное правосознание... — а «революционное правосознание» — ...объективное содержание права»⁷.

С переходом к НЭПу возникла острая необходимость в совершенствовании правового регулирования общественных отношений. В связи с этим на XI конференции РКП(б) в 1921 г. в качестве основной задачи было поставлено «водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности»⁸. Но следует отметить, что понятие «законность» советскими учеными-юристами понималось иначе, чем в западноевропейской государственной-правовой науке.

Выработанная европейской правовой мыслью дефиниция «законность» обозначала «неукоснительное исполнение законов и соответствующих им иных правовых актов всеми органами государства, должностными и иными лицами»⁹, т.е. верховенство закона во всех сферах жизни общества, связанность правом не только граждан государства, но и власти.

Советские юристы сформулировали кардинально другое определение. Так, П.И. Стучка под этим термином понимал «правопорядок, который признавался верховным органом пролетарской диктатуры общеобязательным и целесообразным»¹⁰. В свою очередь А.Я. Вышинский доказывал возможность и необходимость отступления от текста закона в тех случаях, когда он устарел и не отвечает интересам революции¹¹. Нужно также отметить, что госу-

дарство диктатуры пролетариата, которое в соответствии с марксистско-ленинской теорией должно было прийти взамен разбитой старой буржуазной машины и выражать интересы трудящихся, представлялось как власть, не связанная никакими законами, т.е. фактически представляло собой властный произвол¹². Кроме того, как отмечалось в советской юридической науке, революционное правосознание вовсе не уходило из правовой жизни страны с укреплением революционной законности, оно проходило «красной нитью» в каждом приговоре или решении. Более того, как доказывал А. Трайнин, революционное правосознание, исходящее от рабочего класса, со временем должно было вытеснить принцип законности и стать единственным источником права¹³. Принцип законности должен был уйти в прошлое с отмиранием государства. Данные теоретико-идеологические взгляды отразились негативным образом на значимости нормативного правового акта как источника советского права.

Современные российские ученые-юристы отмечают монополию Коммунистической партии — «авангарда пролетариата» на выработку «генеральной линии» развития государства, в том числе и на определение принципов революционного правосознания¹⁴. Таким образом, на практике революционное правосознание исходило вовсе не от пролетарских масс.

Сосредоточив всю власть в своих руках после Гражданской войны, РКП(б) воплотила в жизнь сформулированную на VIII съезде в марте 1919 г. задачу «завоевать для себя безраздельное политическое господство в Советах и фактический контроль над всей их работой»¹⁵. Став монополистом на политическом олимпе, партия начала позиционировать себя как высшую инстанцию во всех государственных вопросах. Партия вырабатывала «генеральную линию» развития советского общества от социализма к коммунизму, направляла и контролировала деятель-

СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 347; Декрет СНК РСФСР «О суде» от 13 июля 1918 г. № 3 // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

⁷ Исаев И.А. История государства и права России : учебник. М. : Юристъ, 2001. С.675.

⁸ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1922 гг. М. : Издательство политической литературы, 1983. С. 471.

⁹ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М. : ИНФРА-М, 1999. С. 214.

¹⁰ Насибуллин Р.А. История советского государства и права. Ч. I. 1917–1940 гг. Екатеринбург : Изд-во УИКП, 1996. С. 97–98.

¹¹ Вышинский А.Я. Выступления, доклады, тезисы // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 72. Л. 81.

¹² Курганский уездный комитет РКП(б) // ГАОПДКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8а. Л. 1–20.

¹³ Насибуллин Р.А. Указ. соч. С. 98.

¹⁴ Источники российского права: вопросы теории и истории : учебник / отв. ред. М.Н. Марченко. М. : Норма, 2009.

¹⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 108.

ность Советов, государственных органов, профсоюзов и других организаций. Место и роль РКП(б) в Советском государстве прекрасно понимал И.В. Сталин, образно представив компартию как «орден меченосцев внутри государства советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность»¹⁶. Руководящее положение ВКП(б) впоследствии закреплялось даже нормативно в конституциях СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г.¹⁷ Более того, В.И. Ленин утверждал: «...мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Советской Республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу... ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии»¹⁸. Подобное положение Коммунистической партии, несомненно, наложило отпечаток на создаваемую советскую правовую систему. Как доказывает российский правовед Р.А. Насибуллин, «революционная законность определялась главным образом тем, соответствуют ли юридические акты партийной идеологии...»¹⁹

Анализ положений, существующих в современной отечественной юридической и исторической науке, позволяет сделать вывод о том, что влияние РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б) на советскую правовую систему выражалось в основном в следующем. Во-первых, Коммунистическая партия напрямую воздействовала на официальное правотворчество. Правовые акты, перед тем как утвердиться советами соответствующего уровня, разрабатывались в партий-

ных кругах. Во-вторых, партия фактически выступала как «официальный толкователь» правовых актов. Принятие правовых актов, зачастую имевших широкое толкование, позволяло партийным органам издавать многочисленные циркуляры и директивы, с помощью которых корректировались применительно к практике, иногда почти до неузнаваемости, положения действовавшего законодательства в нужное русло «генеральной линии», вырабатываемой партией. В-третьих, очень часто партийные органы издавали секретные, нигде не публикуемые директивные указания, напрямую шедшие вразрез с действующим законодательством. В-четвертых, партия непосредственно руководила огромной репрессивной машиной, ее директивные указания влияли на приговоры суда, а члены партии включались в знаменитые «тройки» — органы внесудебного уголовного преследования. И в-пятых, актами РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б), не имевшими последующей легализации, напрямую регулировались вопросы, связанные с функционированием советской государственной бюрократии²⁰.

Здесь достаточно вспомнить номенклатурный принцип подбора кадров, спецпривилегии для членов номенклатуры, реализация которых в основном была регламентирована в актах РКП(б), ВКП(б), не имевших последующей юридической легализации, но обеспечивалась официальными органами государственной власти. А тот факт, что членов партии можно было привлечь к ответственности по специальной процедуре только с разрешения партийных органов соответствующего уровня, как справедливо отмечает ученый-юрист В.М. Курицын, свидетельствует о том, что «право связывало лишь граждан, само же государство (точнее, правящая партия, стоявшая за “фасадом” государства) правом не связывалось»²¹. Члены партии подчинялись своему «партийному законодательству».

Как признают многие исследователи, огромное, а порой определяющее значение

¹⁶ Сталин И.В. О политической стратегии и тактике русских коммунистов. // Сталин И.В. Сочинения. URL: <http://www.petrograd.biz/stalin/5-16.php>

¹⁷ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283 ; Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» от 21 января 1937 года // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1958. Т. XXI. С. 403.

¹⁹ Насибуллин Р.А. Указ. соч. С. 98.

²⁰ См.: Насибуллин Р.А. Указ. соч. ; Евстратов А.М. Правосознание и правовая культура в период формирования Советского государства в 1920-е — 1930-е годы : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. 374 с.

²¹ Курицын В.М. История государства и права России. 1929–1940 : учеб. пособие. М. : Международные отношения, 1998. С. 193.

для советской правовой системы имели непосредственно сами властные императивы и корпоративные акты, исходящие от партийных органов разного уровня²². Вместе с тем ученые-юристы, занимающиеся исследованием тех или иных проблем, связанных с Советским государством и правовой системой, в основном принимают во внимание только действовавшие правовые акты, опираясь на классические положения теории права, выработанные в рамках ро-

мано-германской правовой традиции, в соответствии с которой в основу правовой системы положен нормативный правовой акт — «официальный документ, созданный компетентными государственными органами и содержащий общеобязательные юридические нормы (правила поведения)»²³. Огромный комплекс фактически действовавших актов РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б), КПСС зачастую остается за рамками исследования, авторы лишь констатируют масштабные проблемы правореализации.²⁴

²² Кодан С.В. Партийные документы в системе источников изучения истории советского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 40–45; Кодан С.В. Акты РКП(б) — ВКП(б) — КПСС и советское право. Размышления по поводу диссертации С.А. Токмина «Партийные акты в системе источников советского права» // Genesis: исторические исследования. 2016. № 2. С. 127–135; Токмин С.А. Партийные акты в системе источников советского права: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2015. 210 с.; Винниченко О.Ю., Ваганов А.М. Становление советской бюрократии. Правовые и партийно-номенклатурные основы: монография. СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2016. 244 с.

²³ Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. М.: Норма, 2009. С. 173.

²⁴ См., например: Фурсов В.А. Государственная служба: правовые и организационные основы формирования, 1917–1941 гг.: монография. Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2004. 207 с.; Филонова О.И. Правовые основы статуса судьи Советской России в период НЭПА (1921–1929 гг.) // История государства и права. 2012. № 4. С. 91–97; Дубровин Ю.Д. Особенности правового регулирования труда в СССР в период 1930–1940-х годов // История государства и права. 2016. № 3. С. 18–23.

Литература

1. Абдурахманова И.В. Трансформация массового правосознания в России в первой четверти XX в.: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.В. Абдурахманова. Ростов н/Д., 2009. 63 с.
2. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1999. 789 с.
3. Винниченко О.Ю. Становление советской бюрократии. Правовые и партийно-номенклатурные основы: монография / О.Ю. Винниченко, А.М. Ваганов. СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2016. 244 с.
4. Вышинский А.Я. Выступления, доклады, тезисы / А.Я. Вышинский // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 72. Л. 81.
5. Дубровин Ю.Д. Особенности правового регулирования труда в СССР в период 1930–1940-х годов / Ю.Д. Дубровин // История государства и права. 2016. № 3. С. 18–23.
6. Евстратов А.М. Правосознание и правовая культура в период формирования Советского государства в 1920-е — 1930-е годы: дис. ... д-ра юрид. наук / А.М. Евстратов. СПб., 2001. 374 с.
7. Исаев И.А. История государства и права России: учебник / И.А. Исаев. М.: Юристъ, 2001. 768 с.
8. Источники российского права: вопросы теории и истории: учебник / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма, 2009. 760 с.
9. Кодан С.В. Акты РКП(б) — ВКП(б) — КПСС и советское право. Размышления по поводу диссертации С.А. Токмина «Партийные акты в системе источников советского права» / С.В. Кодан // Genesis: исторические исследования. 2016. № 2. С.127–135.
10. Кодан С.В. Партийные документы в системе источников изучения истории советского права / С.В. Кодан // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 40–45.
11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1922 гг. М.: Издательство политической литературы, 1983. 1202 с.
12. Курганский уездный комитет РКП(б) // ГАОПДКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8а. Л. 1–20.
13. Курицын В.М. История государства и права России. 1929–1940: учеб. пособие / В.М. Курицын. М.: Международные отношения, 1998. 230 с.
14. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1958. Т. I–LV. 36520 с.
15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1981. Т. 41. 696 с.
16. Насибуллин Р.А. История советского государства и права. Ч. I. 1917–1940 гг. / Р.А. Насибуллин. Екатеринбург: Изд-во УИКП, 1996. 241 с.

17. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 2 // Все о праве: компас в мире юриспруденции / Л.И. Петражицкий. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc108p/instrum4914/>
18. Рейснер М.А. Право: Наше право. Чужое право. Общее право / М.А. Рейснер. Л. ; М. : Госиздат, 1925. 276 с.
19. Сталин И.В. О политической стратегии и тактике русских коммунистов // Сталин И.В. Сочинения. URL: <http://www.petrograd.biz/stalin/5-16.php>
20. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. М. : Норма, 2009. 496 с.
21. Токмин С.А. Партийные акты в системе источников советского права : дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Токмин. Иркутск, 2015. 210 с.
22. Филонова О.И. Правовые основы статуса судьи Советской России в период НЭПА (1921–1929 гг.) / О.И. Филонова // История государства и права. 2012. № 4. С. 91–97.
23. Фурсов В.А. Государственная служба: правовые и организационные основы формирования, 1917–1941 гг. : монография / В.А. Фурсов. Ставрополь : Изд-во СевКавГТУ, 2004. 207 с.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ
ГРУППА**

(4842) 70-03-37

буклеты • визитки • листовки • постеры
календари • журналы • книги • брошюры

Концессии в Советском государстве (1917–1937 гг.)

*Попов Михаил Сергеевич,
заместитель генерального директора —
директор по правовым вопросам ООО «РТИТС»,
кандидат юридических наук
Mikhail.Popov@rtits.ru*

В статье автор анализирует использование концессий в начальный период существования Советского государства — с 1917 по 1937 г.

Главное внимание уделено изучению развития законодательной базы, регламентирующей вопросы заключения и реализации концессионных соглашений, структуры и компетенции органов власти в отношении концессий, анализу условий заключенных договоров. На основе исследования законодательства и научных работ автор систематизирует условия концессий, в том числе специальные условия, касающиеся особенностей социально-экономической политики Советского государства.

Ключевые слова: концессия, Советское государство, новая экономическая политика, иностранные инвестиции.

Concessions in the Soviet State (1917–1937)

*Popov Mikhail S,
Deputy Chief Executive Officer —
Chief Legal Officer at RTITS, LLC,
Candidate of Legal Sciences*

In the article, the author analyses use of the concessions in the early period of the Soviet state existence. Particular attention is paid to analysis of development of the legal framework regulating issues of conclusion and execution of the concession agreements, structure and competence of the state authorities in consideration of the matters of concession, examination of the terms of the concluded agreements. As a result of the legislation and research papers analysis the author systemizes the terms of the concessions, including special terms determined by specifics of the Soviet state social and economic policies.

Key words: concession, Soviet state, new economic policy, foreign investments.

Революция 1917 г. стала поворотным событием, ознаменовавшим новый этап развития экономических отношений в стране. Основная задача советского правительства в сфере экономики сводилась к полной национализации предприятий, которые были созданы в дореволюционный период, в том числе и на концессионной основе¹. При Совете народных комиссаров (далее — СНК) был учрежден Высший совет народного хозяйства (далее — ВСНХ) для «организация народного хозяйства и государственных финансов»². Все промышленные предприятия, находящиеся во владении частных

лиц или обществ, объявлялись национализированными³.

Советское правительство не отвергло концессии, несмотря на то что они шли вразрез с политической идеологией коммунизма. В.И. Ленин в этой связи отмечал: «Концессии не страшны, пока мы держим в руках все государственные предприятия и взвешиваем точно и строго, какие и на каких условиях мы можем отдать концессии, в каких размерах»⁴.

Первая попытка правового регулирования предоставления концессий принята на I съезде Советов народного хо-

¹ Ручкина Г.Ф. Предпринимательство сквозь призму веков // Предпринимательское право. 2006. № 3. С. 34.

² Пункт 2 Декрета СНК РСФСР от 5 декабря 1917 г. «О Высшем Совете Народного Хозяйства» // СУ РСФСР. 1917. № 5. Ст. 83.

³ Постановление ВСНХ РСФСР от 29 ноября 1920 г. «О национализации предприятий (Положение)» // СУ РСФСР. 1920. № 93. Ст. 512.

⁴ Ленин В.И. Собрание сочинений. Т. XVIII. Ч. I. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 199.

зайства в 1918 г., где приняты тезисы об условиях привлечения иностранного капитала, главным из которых являлось подчинение национальному законодательству⁵. Например, в феврале 1919 г. возобновлено рассмотрение концессионного предложения Э. Ганневига о строительстве железных дорог по маршруту «Обь — Котлас — Сорока», которое он сделал еще до революции. Однако советское правительство сочло неприемлемыми условия соглашения в части выплаты концессионеру аванса в размере 50 млн руб., а также передачи прав на разработку Ухтинского нефтеносного района и использование лесной площади в размере 8 млн десятин⁶. Вместе с тем проект данного концессионного договора в дальнейшем послужил основой для разработки типового концессионного соглашения⁷.

По мнению профессора С.Н. Прокоповича, «отказ платить старые международные долги сделал невозможным привлечение иностранных капиталов ни в форме займов, ни в форме концессий»⁸.

К концу 1920 г. экономика страны переживала острый кризис, в марте 1921 г. правительство вынуждено было пересмотреть вектор развития внутренней экономической политики⁹. В Постановлении ВЦИК от 31 декабря 1921 г. указывалось, что «интересы восстановления народного хозяйства в Советской России требуют облегчения прилива иностранного капитала в различные области хозяйства, как в форме концессий, так и в форме займов»¹⁰.

В.И. Ленин называл концессию одной из основных форм реализации НЭП, при которой частный капитал использовался под контролем государства¹¹. Кроме того, эта модель взаимодействия с частными инвесторами уже была известна российскому законодательству.

На законодательном уровне концессионные соглашения получили регулирование начиная с Декрета СНК от 23 ноября 1920 г. «Общие экономические и юридические условия концессий», которым устанавливалась возможность заключать концессии для восстановления и усиления производительных сил Республики и всего мирового хозяйства, а также было определено, что вознаграждение концессионеру устанавливается в форме доли продукта с правом вывоза за границу, при этом срок концессии должен был позволять обеспечить возмещение затрат концессионера. Правительство гарантировало, что вложенное в предприятие имущество концессионера не будет подвергаться национализации, конфискации или реквизиции, а условия концессионного договора не будут изменены концедентом в одностороннем порядке¹². Как отмечает В.П. Бутковский, «от тезисов 1918 г. декрет этот отличался тем, что открыто говорил, что мы готовы, в изъятие из наших законов, предоставить иностранным капиталистам право работать у нас без боязни, что их предприятия могут подвергнуться национализации или конфискации»¹³.

Первой концессией советского правительства можно считать концессию на эксплуатацию подводных телеграфных линий, заключенную с Большим северным телеграфным обществом (далее — Концессия на эксплуатацию телеграфных линий) 21 июля 1921 г. Концессия действовала до истечения установленного соглашением срока — в течение 25 лет. В качестве вознаграждения концедент «уступает Обществу из своих оконечных такс, взимаемых за эти телеграммы», определенные суммы, которые «должны быть уплачены в воз-

⁵ Бутковский В.П. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М. : Государственное издательство, 1928. С. 23–24.

⁶ Север. Орган научного северного краеведения / под общ. ред. Л.И. Андреевского, Н.В. Ильинского, Я.И. Кузьмина. Январь — февраль. № 1 (5). Вологда, 1924. URL: http://geolmarshrut.ru/antologiya/?ELEMENT_ID=660

⁷ Булатов В.В. Резонансные концессионные предложения периода военного коммунизма (1919–1920 годы) // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 12. История. Международные отношения. Вып. 2. С. 106.

⁸ Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР : в 2 т. Нью-Йорк : Издательство имени Чехова, 1952. URL: <http://istmat.info/node/48144>

⁹ Тимошина Т.М. Экономическая история России : учеб. пособие / под ред. М.Н. Чепурина. М. : ЗАО «Юстицинформ», 2009. С. 221–222.

¹⁰ Пункт 11 Постановления ВЦИК от 31 декабря 1921 г. «По вопросам новой экономической политики и промышленности» // СУ РСФСР. 1922. № 4. Ст. 43.

¹¹ Тимошина Т.М. Экономическая история России. С. 223.

¹² Абзац 6 преамбулы, пункт 6 Декрета СНК РСФСР от 23 ноября 1920 г. «Общие экономические и юридические условия концессий» // СУ РСФСР. 1920. № 91. Ст. 481.

¹³ Бутковский В.П. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. С. 29.

можно непродолжительный срок в золотых франках в Копенгагене» (ч. 1 ст. 11, ст. 12 Концессии на эксплуатацию телеграфных линий). В литературе отмечается, что соглашение заключено при условии признания советским правительством своего долга перед концессионером в размере 7 млн франков¹⁴, что является исключением в концессионной деятельности советского правительства и, очевидно, было обусловлено стратегическим назначением данной концессии.

В рамках концессионной инициативы Л. Уркарта вплоть до 1929 г.¹⁵ предпринимались попытки возобновить деятельность предприятий горной промышленности, созданных в дореволюционный период. Уркарт был готов привлечь акционерный капитал, «если бы можно было создать хоть какую-нибудь тень надежды на возврат его Советским правительством»¹⁶. Однако переговоры не принесли успеха ввиду разногласий «по вопросам о размерах вознаграждения акционеров Уркарта за понесенные ими убытки, о сроке концессий и о проценте отчисления Советскому правительству»¹⁷.

Необходимо отметить, что в советском законодательстве не было сформулировано дефиниции концессии или концессионного соглашения. В Гражданском кодексе РСФСР указывалось лишь на объекты концессии, описывался порядок уступки прав по концессионному договору¹⁸, титул данного имущества при отсутствии концессии или особого разрешения власти¹⁹.

В.П. Бутковский разделял концессии на смешанные и чистые, при этом к чистым концессиям относил договоры, к смешанным — создание акционерных обществ. Особую категорию составляли договоры о технической помощи, которые также причисляли к концессиям²⁰. Однако, по нашему мнению, такие соглашения скорее следует считать лицензионными (о предоставлении ноу-хау, патентов) либо договорами подряда.

Объявление НЭП, а также события на международной арене привели к росту числа потенциальных инвесторов. Современники отмечали, что Рапалльский договор и Генуэзская конференция «несколько окрылили и надежды Советского правительства на возможность деловых соглашений с капиталом»²¹. В этой связи возникла необходимость создать специальные структуры для регулирования концессионной деятельности.

Договор об образовании СССР определил, что установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, а также заключение концессионных договоров находятся в ведении верховных органов СССР²². Аналогичная норма содержалась и в Конституции СССР²³. СНК СССР рассматривал и утверждал концессионные договоры²⁴, специальные полномочия принадлежали Главному концессионному комитету при СНК СССР (далее — ГКК), созданному в 1923 г., в компетенцию которого входило общее руководство допущением иностранного капитала к деятельности на территории СССР; ведение переговорами и рассмотрение всех проектов концессионных договоров; вопросы расторжения договоров и др.²⁵ Разъяснения и предложения

¹⁴ Бик С.И., Радзиевский А.С. Концессии, изменившие мир. М.: Коттон лейбл, 2014. С. 80.

¹⁵ Булатов В.В. Резонансные концессионные предложения периода военного коммунизма (1919–1920 годы). С. 108.

¹⁶ Письмо Официального Представителя РСФСР в Великобритании Правительству РСФСР от 20 июня 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1960. С. 183.

¹⁷ Из годового отчета Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР к IX Съезду Советов за 1920–1921 гг. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1960. С. 630.

¹⁸ Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. «О дополнениях и изменениях Гражданского Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1924. № 79. Ст. 785.

¹⁹ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 27 апреля 1927 г. «О дополнении Гражданского Кодекса Р.С.Ф.С.Р. примечанием 4 к статье 59» // СУ РСФСР. 1927. № 42. Ст. 269.

²⁰ Бутковский В.П. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. С. 20–21.

²¹ Иоффе А.А. Итоги и перспективы концессионной политики и практики СССР // Плановое хозяйство. 1927. № 1. С. 75–87.

²² Подпункт «з» п. 1 Договора об образовании СССР (принят на I Съезде Советов СССР 30 декабря 1922 г.) // Съезды Советов в документах. 1917–1936. Т. III. М.: Госюриздат, 1960. С. 18.

²³ Пункт «з» ст. 1 главы 1 раздела 2 Основного закона (Конституции) СССР (утв. ЦИК СССР 06.07.1923) // СУ РСФСР. 1923. № 81. Ст. 782.

²⁴ Постановление ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г. «Положение о СНК СССР» // СУ РСФСР. 1923. № 107. Ст. 1032.

²⁵ Декрет СНК СССР от 21 августа 1923 г. «Об учреждении ГКК при СНК СССР» // СУ РСФСР. 1923. № 96. Ст. 952.

ГКК по исполнению концессионных соглашений были обязательны для всех народных комиссариатов и учреждений СССР²⁶. Именно в 1923 г. окончательно оформилась советская концессионная политика²⁷.

Количество заключенных концессий росло, и к 1925 г. при ГКК была создана постоянная комиссия по наблюдению за выполнением концессионных договоров²⁸. В 1927 г. полномочия концессионных комитетов регламентированы на республиканском уровне²⁹, также законодатель систематизировал структуру и компетенцию органов в сфере концессионной деятельности³⁰. Нарушение компетенции, установленной законодателем в сфере концессионных соглашений, квалифицировалось по ст. 110 Уголовного кодекса РСФСР³¹ как злоупотребление властью, превышение или бездействие власти и могло повлечь наказание в виде лишения свободы, а при особо отягчающих обстоятельствах — высшую меру наказания³².

Современные исследователи отмечают, что механизм концессии в народном хозяйстве Советского государства имел успех благодаря вертикальной организации системы управления концессиями³³. С 1921 по 1929 г. поступило более 2500 концессион-

ных предложений, однако до 1927 г. подписаны лишь 163 концессии; причинами отказа являлись: «...недостаточная солидность соискателей и ограниченность их финансовых возможностей, несоответствие выдвигаемых соискателями объектов концессий общим интересам советского народного хозяйства и неприемлемость условий, выдвигаемых соискателями...»³⁴

В концессионных соглашениях советского периода, помимо общих условий, подробно описывались условия труда, процентное отношение рабочих, приглашенных из-за границы, обеспечивалась связь с системой планового хозяйства страны, в том числе регулирование размеров производства, а также включение обязательств о приобретении отечественного сырья и материалов³⁵.

Анализ норм законодательства и условий концессионных предложений и соглашений свидетельствует о высоком уровне развития концессионного законодательства, хотя оно и было разрозненным, напрямую зависело от политической идеологии, а четкая систематизация отсутствовала. Благодаря непрерывному развитию законодательной базы о концессионных соглашениях, по мнению А.И. Попова, даже сформировалась целая отрасль права — концессионное право³⁶.

С окончанием периода НЭП число концессионных предприятий в СССР стало сокращаться. По состоянию на 1 октября 1929 г. действовало лишь 59 соглашений. Досрочно концессии прекращались «на условиях, приемлемых как для концессионера, так и для правительства. Подтверждением этого является то обстоятельство, что ни один спор в продолжение отчетного года не был предметом рассмотрения третейского суда, предусмотренного договорами»³⁷. Возврат к административно-командным ме-

²⁶ Постановление СНК СССР от 23 ноября 1926 г. «Об обязательной силе разъяснений и предложений ГКК по вопросам выполнения концессионных договоров» // СЗ СССР. 1926. № 74. Ст. 582.

²⁷ Иоффе А.А. Итоги и перспективы концессионной политики и практики СССР. С. 75–87.

²⁸ Постановление СНК СССР от 11 августа 1925 г. «Об образовании в составе ГКК постоянной комиссии по наблюдению за выполнением концессионных договоров» // СЗ СССР. 1925. № 52. Ст. 394.

²⁹ Постановление СНК СССР от 14 декабря 1927 г. «О концессионных комитетах при советах народных комиссаров союзных республик» // СЗ СССР. 1927. № 69. Ст. 695.

³⁰ Постановление СНК СССР от 27 декабря 1930 г. № 807 «Об организации концессионного дела» // СЗ СССР. 1931. № 2. Ст. 277.

³¹ Пункт 15 Декрета СНК СССР от 21 августа 1923 г. «Об учреждении ГКК при СНК СССР» // СУ РСФСР. 1923. № 96. Ст. 952.

³² Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РС.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом РС.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

³³ См., например: Варнавский В.Г. Использование механизмов доверительного управления и концессий для повышения эффективности управления государственной и муниципальной собственностью // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 5. С. 27.

³⁴ Из материалов к отчету Правительства СССР за 1928/29 г. // История индустриализации СССР 1929–1932 гг. Документы и материалы. М.: Наука, 1970. URL: <http://istmat.info/node/8689>

³⁵ Раздел V служебной записки Главконцесскома в СНК СССР от 14 июля 1926 г. // Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. М.: Институт российской истории РАН, 1999. Ч. II. С. 187–197.

³⁶ Попов А.И. Становление и развитие института концессионных соглашений в России // История государства и права. 2007. № 5. С. 4.

³⁷ Из материалов к отчету правительства СССР за 1928/29 г. // История индустриализации СССР

тодам руководства экономикой привел к сворачиванию процесса инвестирования и ликвидации концессий³⁸. 14 декабря 1937 г. упразднен ГКК³⁹. К 1958 г. были ликвидированы все концессии⁴⁰. Нам не известно о заключении концессионных соглашений в послевоенный период на территории СССР.

Развитое законодательное регулирование, высокая активность инвесторов в сфере концессий в период Советского государства, положительный экономиче-

ский эффект от реализации концессий подтверждают уникальное экономико-правовое значение данного института для социально-экономического развития государства, возможность эффективно использовать его даже в условиях государственной, плановой экономики. В этой связи возможно согласиться с исследователями, отмечавшими «положительный опыт «ленинских» концессий»⁴¹.

Практика реализации концессий в советский период, содержание договоров и порядок организации органов власти в сфере решения вопросов концессий заслуживают глубокого изучения, результаты которого могут быть полезны как для развития науки, так и для практического применения при структурировании проектов государственно-частного партнерства.

1929–1932 гг. Документы и материалы. М.: Наука, 1970. URL: <http://istmat.info/node/8689>

³⁸ Деревякин А.А. Правовое регулирование иностранных инвестиций в период НЭПа // *Юридический мир*. 2007. № 11. С. 75.

³⁹ Постановление СНК СССР от 14 декабря 1937 г. «Об упразднении Главного Концессионного Комитета при СНК Союза ССР» // *СЗ СССР*. 1937. № 76. Ст. 379.

⁴⁰ Данильченко С.А. Концессионная политика Советского государства в условиях НЭПа // *Экономический журнал*. 2002. № 2 (5). С. 50.

⁴¹ Михайлов А., Субботин М. «Яблоко» и законодательство о соглашениях о разделе продукции (СРП). М.: Эпицентр: Интеграл-Информ, 2003. С. 12. URL: <http://www.yabloko.ru/Publ/Book/SRP/SRP.pdf>

Литература

1. Бик С.И. Концессии, изменившие мир / С.И. Бик, А.С. Радзиевский. М.: Коттон лейбл, 2014. 224 с.
2. Булатов В.В. Резонансные концессионные предложения периода военного коммунизма (1919–1920 годы) / В.В. Булатов // *Известия Саратовского университета*. 2010. Т. 12. История. Международные отношения. Вып. 2. С. 104–110.
3. Бутковский В.П. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР / В.П. Бутковский. М.: Государственное издательство, 1928. 127 с.
4. Варнавский В.Г. Использование механизмов доверительного управления и концессий для повышения эффективности управления государственной и муниципальной собственностью / В.Г. Варнавский // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2012. № 5. С. 19–29.
5. Годовой отчет Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР к IX Съезду Советов за 1920–1921 гг. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1960. С. 630. URL: <http://istmat.info/node/51005>
6. Данильченко С.А. Концессионная политика Советского государства в условиях НЭПа / С.А. Данильченко // *Экономический журнал*. 2002. № 2 (5). С. 45–79.
7. Деревякин А.А. Правовое регулирование иностранных инвестиций в период НЭПа / А.А. Деревякин // *Юридический мир*. 2007. № 11. С. 74–76.
8. Из материалов отчета правительства СССР за 1928/29 г. // *История индустриализации СССР 1929–1932 гг. Документы и материалы*. М.: Наука, 1970. URL: <http://istmat.info/node/8689>
9. Иоффе А.А. Итоги и перспективы концессионной политики и практики СССР / А.А. Иоффе // *Плановое хозяйство*. 1927. № 1. С. 75–87.
10. Ленин В.И. Собрание сочинений. Т. XVIII. М.: Издательство политической литературы, 1968. 525 с.
11. Михайлов А. «Яблоко» и законодательство о соглашениях о разделе продукции (СРП) / А. Михайлов, М. Субботин. М.: Эпицентр: Интеграл-Информ, 2003. 153 с. URL: <http://www.yabloko.ru/Publ/Book/SRP/SRP.pdf>
12. Письмо Официального Представителя РСФСР в Великобритании Правительству РСФСР от 20 июня 1921 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1960. С. 183. URL: <http://istmat.info/node/50654>
13. Попов А.И. Становление и развитие института концессионных соглашений в России / А.И. Попов // *История государства и права*. 2007. № 5. С. 4–6.
14. Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР: в 2 т. / С.Н. Прокопович. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1952. URL: <http://istmat.info/node/48144>
15. Ручкина Г.Ф. Предпринимательство сквозь призму веков / Г.Ф. Ручкина // *Предпринимательское право*. 2006. № 3. С. 31–37.

16. Север. Орган научного северного краеведения / под общ. ред. Л.И. Андреевского, Н.В. Ильинского и Я.И. Кузьмина. Январь — февраль. № 1 (5). Вологда, 1924. URL: http://geolmarshrut.ru/antologiya/?ELEMENT_ID=660
17. Служебная записка Главконцесскома в СНК СССР от 14 июля 1926 г. // Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. М. : Институт российской истории РАН, 1999. Ч. II. С. 187–197. URL: <http://istmat.info/node/28816>
18. Тимошина Т.М. Экономическая история России : учеб. пособие / Т.М. Тимошина ; под ред. М.Н. Чепурина. М. : ЗАО «Юстицинформ», 2009. 424 с.

«Классический» парламентаризм XIX века в Великобритании

*Коновалова Людмила Геннадьевна,
доцент кафедры
конституционного и международного права юридического
факультета Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
vaskova82@yandex.ru*

В статье на основе предложенной автором периодизации рассматривается третий этап становления парламентаризма в зарубежных странах на примере Великобритании XIX в. Автор доказывает, что в Великобритании в указанный период в государственном механизме стал четче вырисовываться принцип разделения властей, организация выборов перешла от правительства к партиям. В условиях формального действия свободного мандата депутата повысилась партийная дисциплина при голосовании в парламенте. Усилился демократизм деятельности общественных объединений и прессы. Получил окончательное признание берущий свое начало в XVIII в. принцип ответственности кабинета перед парламентом, а Палата общин показала свою способность преодолевать несогласие верхней палаты. В статье уделяется внимание идеологическим течениям в Великобритании XIX в., которые были наиболее ярко представлены чартистами, консерваторами и утилитаристами.

Ключевые слова: парламент, депутат, разделение властей, политические партии.

“Classical” Parliamentarism in Great Britain of XIX Century

*Konvalova Lyudmila G.,
Assistant Professor of the Department of Constitutional and International Law
of the Law Faculty of the Altai State University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article proposed by the author on the basis of periodization is considered the third phase of parliamentary formation in foreign countries by the example of Great Britain 19th century. The author argues that in the UK during this period in the state mechanism began to emerge more clearly the principle of separation of powers, organization of elections has passed from government to the parties. In terms of formal acts of free deputy mandate increased party discipline in voting in Parliament. There is a growing democracy of public associations and the press. Gets the final recognition originating in the 18th century. the principle of Cabinet responsibility before the Parliament and the House of Commons has shown its ability to overcome the opposition of the upper chamber. The article focuses on the ideological currents in the UK 19 in., which were most clearly represented by the Chartists, the conservatives and the utilitarians.

Key words: parliament, deputy, separation of powers, political parties.

Историю развития парламентаризма в зарубежных странах, на наш взгляд, можно представить через призму следующей периодизации: 1) становление доктрины и практи-

ки парламентаризма в XIII–XVII вв.; 2) «ранний» парламентаризм в XVII–XVIII вв.; 3) «классический» парламентаризм XIX — начала XX в.; 4) «модифицированный» пар-

ламентаризм конца XX — XXI в. Думается, что названные этапы ярко прослеживаются и на примере родины парламента — Великобритании.

В целом этап «классического» парламентаризма в Великобритании, как и в других европейских странах, отличает упрочнение положения парламента как законодательного и представительного органа среди иных властных институтов. В это время избирательные законы создают основу для регулярных выборов членов парламента. Детализируются правовой статус депутатов и правила осуществления парламентских процедур. Расширяется социальная база политических партий и активизируется их участие в выборах, развиваются иные виды общественных объединений. Четче определяются правила разделения властей. Устанавливаются свобода слова и политический плюрализм.

Рассматриваемый третий период становления парламентаризма сопряжен с тем, что сама идея учреждения парламента начинает «мировую экспансию» и находит реализацию все большим числом стран. При этом парламента еще не столкнулись с теми трудностями, которые готовил для них XX в. Например, применительно к своей стране 50–60-х годов XIX в. британец А. Сэмпсон в XX в. писал: «...в Палате общин развертывались самые драматические события, когда депутаты были достаточно богаты и независимы, чтобы говорить и голосовать согласно своим убеждениям, и когда они могли создавать и свергать правительства. В те времена парламента не приходилось, как теперь, конкурировать с газетными трестами или телевидением, и одно лишь представление о нем как о политической организации, принимающей на себя функции монарха, казалось уже триумфом демократии»¹.

Действительно, XIX в. существенно повлиял на развитие парламентаризма Великобритании. Несмотря на то что в начале XIX в. на фоне неблагоприятного социального положения рабочих, войны с Наполеоном и одиозной личности короля Георга IV монархическая власть несколько потеснила парламента, к 40-м годам XIX в. страна получила «законченный парламентский режим»², отличающийся инициативностью и существенной ролью парламента, особенно Па-

латы общин, в политической жизни страны, усилением роли закона в регулировании общественных отношений.

Во-первых, это было связано с реформой избирательного законодательства. Первые проекты законов о выборах депутатов начали поступать в Палату общин еще с XVIII в., но наталкивались на консервативные настроения монарха и большей части депутатов³. Однако под влиянием массовых народных выступлений (в том числе «чартизма» — пролетарско-революционного движения), трудов правоведов и изменения отношения партий к своим избирателям вопреки воле монарха и Палаты лордов поэтапно было принято несколько законов, существенно повысивших демократизм выборов. Так, Акт о народном представительстве 1832 г. упразднил 56 «гнилых местечек», расширил представительство городского населения, снизил имущественный ценз для избирателей. При этом избирательный корпус увеличился вдвое, но составил всего лишь 5% от населения страны. Акт о народном представительстве 1867 г. перераспределил соотношение избирательных округов, ликвидировал местечки с малочисленным населением, упразднил имущественный ценз владения жильем, оставив только ценз оседлости и условие уплаты налога на бедных. Эта реформа снова удвоила численность избирательного корпуса. Еще одно «удвоение» избирательного корпуса произошло в 1884 и 1885 гг. Акт о народном представительстве 1884 г. и Акт о перераспределении мест 1885 г. предоставили избирательное право сельскохозяйственным рабочим и значительному числу индустриальных рабочих, усовершенствовали правила нарезки избирательных округов, обеспечив практически равное представительство территорий страны. Важное значение имели введение принципа тайного голосования в 1872 г. и установление ответственности за подкуп избирателей 1883 г.⁴ Конечно, учрежденные правила еще нельзя было признать всеобщим избирательным правом, однако

¹ Сэмпсон А. Новая анатомия Британии. М.: Прогресс, 1975. С. 28–29.

² См.: Бромхед П. Эволюция британской конституции. М.: Юридическая литература, 1978. С. 172.

³ См.: История буржуазного конституционализма 19 в. / отв. ред. В.С. Нерсисянц. М.: Наука, 1986. С. 13.

⁴ См.: История государства и права зарубежных стран: учебник: в 2 т. Т. 2: Современная эпоха. М.: Норма, 2008. С. 36–38; Крылов Б.С. Вводная статья к Конституции Великобритании // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.А. Окунова. М.: Норма, 2001. С. 32.

это законодательство было весьма прогрессивным для своего времени, обеспечивая право голоса большинства мужского населения страны. Хотя женщины еще не голосовали, наблюдалась некоторая дискриминация городского населения по сравнению с сельским при нарезке округов, собственники пользовались множественным вотумом⁵.

Во-вторых, в XIX в. в Англии существенно поменялось положение политических партий. Изменение избирательного законодательства привело к тому, что организация выборов перешла от правительства к партиям. Для целей агитации, содействия регистрации избирателей партии стали организовывать свои подразделения вне парламента. Вместо предвыборных обещаний отдельных депутатов появились единые избирательные платформы, получили распространение обращения лидеров партий к избирателям. Усилилось влияние партий на дисциплину голосований в парламенте. Английская партийная система в 1832 г. столкнулась с переименованием партии вигов в либералов, а партии тори в консерваторов. Это переименование было сопряжено с расширением социальной базы партий и обновлением их идеологий⁶.

В-третьих, XIX в. в Англии отмечен ростом влияния общественных объединений (особенно профсоюзов) и прессы. При этом начало века было ознаменовано репрессивным законодательством, запрещавшим манифестации с оркестрами и знаменами, митинги с участием более 50 человек, предусматривающим наложение ареста за подстрекательство к мятежам, штрафы за неудобные властям публикации. Однако к концу века были отменены ограничения деятельности профсоюзов, исчезает неравенство перед законом между хозяином и рабочим, отдельные представители профсоюзов через партии избираются в состав парламента, увеличиваются тиражи газет, отменяется налог на бумагу, удешевляющий стоимость печатной продукции. Благодаря прецеденту с Ф. Бердеттом, преследовавшимся за выдвижение инициативы проведения парламентской реформы, вышло из употребления право Палаты общин карать за непочтительное

отношение к ней путем заключения в тюрьму⁷.

В-четвертых, получает окончательное признание берущий свое начало в XVIII в. принцип ответственности кабинета перед парламентом. В начале XIX в. монархи пытались сопротивляться этому правилу. Так, Вильгельм IV отправил в отставку пользующийся доверием Палаты общин кабинет Мельбурна (1834 г.), королева Виктория не одобрила состав кабинета, предложенный Р. Прилем (1839 г.). Однако очередные выборы подтверждали неизменность установок избирателей, и монархи были вынуждены признать право формирования кабинета Палатой общин и смещения его посредством вотума недоверия. Причем палата пользовалась своим последним правом достаточно активно. В период с 1837 по 1866 г. из девяти кабинетов восемь ушли в отставку из-за волеизъявления Палаты общин⁸.

В-пятых, в процессе принятия избирательного законодательства, а также некоторых других социально значимых законов обнаружилась явная тенденция утраты Палатой лордов положения равноправной составляющей парламента, поскольку общественное мнение и Палата общин показали свою способность преодолевать несогласие верхней палаты. Стали предлагаться законопроекты, ограничивающие участие Палаты лордов в законотворчестве исключительно правом отлагательного вето. И хотя соответствующий закон был принят только в 1911 г., сложилась конституционная практика преодоления вето верхней палаты⁹.

В-шестых, в XIX в. были проведены реформы иных государственных органов, входящих в систему разделения властей. Стабилизировалось положение трех главных министерств — внутренних дел, иностранных дел и военного. В период с 1855 по 1870 г. был создан институт гражданской службы, профессиональной, внепартийной и не сменяемой при изменении состава Кабинета¹⁰. Серией актов 1873–1875 гг. и 1880 г. было упразднено сложившееся в феодаль-

⁵ См.: История буржуазного конституционализма 19 в. С. 47.

⁶ См.: История государства и права зарубежных стран: учебник / отв. ред. И.А. Исаев, Т.П. Филиппова. М.: Проспект, 2012. С. 268–269.

⁷ См.: История буржуазного конституционализма 19 в. С. 16, 18, 41.

⁸ См.: История буржуазного конституционализма 19 в. С. 33.

⁹ См.: Разделение властей: учеб. пособие / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Юрайт-издат, 2004. С. 111.

¹⁰ См.: История государства и права зарубежных стран: учебник: в 2 т. Т. 2: Современная эпоха / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. С. 39.

ную эпоху разделение судов Англии на суды общего права и суды справедливости, все суды были уравнены в правах, произошло смещение акцентов с процессуальных норм к материальным, проведена работа по расчистке законодательства, освобождению его от архаичных актов, повышена доступность правосудия¹¹.

Идеологические течения в Великобритании XIX в. были наиболее ярко представлены чартистами, консерваторами и утилитаристами. Чартисты, в том числе Дж.Б. О'Брайен, помимо требований в сфере трудовых прав работников, вели речь о признании суверенитета народа, а не парламента, демократизации избирательной системы, установлении жалования депутатам. Для достижения своих целей чартисты не исключали силовой метод. Консерваторы (С. Кольридж, Б. Дизраэли, Т. Карлейль) в целом защищали английскую конституцию, отрицательно относились к революции, но уделяли большое внимание нравственному обновлению общества, считали, что аристократические звания должны присваиваться по заслугам, а не по рождению. Идеалом консерваторов была «аристократическая забота» короля и высших слоев общества о благополучии народа¹². Утилитаристы были представлены последователями И. Бентама. В XIX в. их самым известным представителем был Дж.Ст. Милль. Автор с уважением относился к парламенту, считая его «ареной, где высказываются во всем свете и могут выступать на борьбу не только общие мнения нации, но даже каждой ее пар-

тии и даже, насколько это возможно, каждой замечательной личности, где каждый гражданин может найти человека, который высказывает его убеждения. Противники называют собрание представителей местом пустословия и разговоров. Едва ли когда вышла более неуместная шутка, ведь предмет их разговоров — великие национальные интересы». Однако Дж.Ст. Милль предостерегал не только от политической тирании, но и от тирании общества (большинства), выражающейся в «коллективной посредственности» и невежестве. Для исключения этого зла философ предлагал защищать права меньшинства, ввести пропорциональную избирательную систему, использовать свободный мандат депутата. «Истинное значение представительного собрания не в том, чтобы обсуждать каждую административную меру, а в том, чтобы назначать способных к тому людей... Парламент не должен назначать каждого члена кабинета. Достаточно, если он назначит главу правительства и его замов»¹³.

Таким образом, «классический» парламентаризм в Великобритании XIX в. характеризуется работой парламента в условиях обеспечения права голоса на выборах большинству мужского населения страны, активизации политических партий в организации выборов, повышении партийной дисциплины при голосовании в парламенте, усилении демократизма деятельности общественных объединений, прессы, более четкого проявления принципа разделения властей в устройстве государственного механизма и окончательного признания принципа ответственности кабинета перед парламентом.

¹¹ См.: Марченко М.Н. Правовые системы современного мира : учеб. пособие. М. : Зерцало-М, 2008. С. 174.

¹² См.: История политических и правовых учений 19 в. С. 44–55.

¹³ Милль Дж.Ст. Размышления о представительном правлении. Б.и., Б.г. С. 67, 68, 74.

Литература

1. Бромхед П. Эволюция британской конституции : пер. с англ. / П. Бромхед. М. : Юридическая литература, 1978. 336 с.
2. История буржуазного конституционализма 19 в. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М. : Наука, 1986. 279 с.
3. История государства и права зарубежных стран : учебник / отв. ред. И.А. Исаев, Т.П. Филиппова. М. : Проспект, 2012. 559 с.
4. История государства и права зарубежных стран : учебник : в 2 т. Т. 2: Современная эпоха / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М. : Норма, 2008.
5. Крылов Б.С. Вводная статья к Конституции Великобритании / Б.С. Крылов // Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. М. : Норма, 2001. 824 с.
6. Марченко М.Н. Правовые системы современного мира : учеб. пособие / М.Н. Марченко. М. : Зерцало-М, 2008. 528 с.
7. Милль Дж.Ст. Размышления о представительном правлении / Дж.Ст. Милль. Б.и., Б.г. Санкт-Петербург : Яковлев, 1863–1864. 361 с. Вып. 1, 2.
8. Разделение властей : учеб. пособие / отв. ред. М.Н. Марченко. М. : Юрайт-издат, 2004. 428 с.
9. Сэмпсон А. Новая анатомия Британии / А. Сэмпсон. М. : Прогресс. 1975. 488 с.

Франция, Бельгия, Нидерланды и становление государственности Люксембурга

*Сулейманов Алим Видадиевич,
доцент кафедры восточных языков
и лингвокультурологии Нижегородского государственного
университета имени Н.И. Лобачевского,
кандидат политических наук
alim-suleymanov@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности формирования государственности Люксембурга. Автор, используя сравнительно-исторический подход, анализирует через призму сложных отношений между ведущими западноевропейскими странами и внутри них (Франция, Бельгия, Нидерланды) становление Люксембурга как независимого государства. Именно революционные процессы в странах Западной Европы сыграли ключевую роль в формировании люксембургской государственности в XIX в. В этой связи автором также рассматриваются особенности конституционного развития Франции, Бельгии и Нидерландов.

Ключевые слова: Люксембург, Франция, Бельгия, Нидерланды, Венский конгресс, Германский союз, конституция Голландии.

France, Belgium, the Netherlands and Establishment of Statehood of Luxembourg

*Suleymanov Alim V.,
Assistant Professor of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics
of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Candidate of Political Sciences*

In article are considered the features of statehood formation of Luxembourg. The author, using the comparative-historical approach, analyzes through a prism of difficult relations between the leading West European countries and in them (France, Belgium, the Netherlands) formation of Luxembourg as independent state. Revolutionary processes in countries of Western Europe have played a key role in statehood formation of the Luxembourg in XIX century. Thereupon the author also considers features of the constitutional development of France, Belgium and the Netherlands.

Key words: Luxembourg, France, Belgium, Netherlands, Viennese congress, German union, Constitution of Holland.

Конституционное развитие Люксембурга как независимого государства начинается в первой половине XIX в. При этом политическое существование Великого Герцогства обычно отсчитывают с момента Венского соглашения 1815 г. Однако первая конституция Люксембурга была принята только лишь в 1841 г., завершив, таким образом, предконституционное развитие страны, длящееся почти тысячу лет.

Впервые название Люксембург упоминается около 963 г. в документе о торговом обмене, в котором граф Зигфрид приобрел у аббатства Святого Максимиана в Трире небольшой форт, расположенный на ска-

листой местности в долине Альзетт¹. Этот укрепленный участок стал своеобразным плацдармом, позволившим графам Люксембурга присоединять территории на протяжении XI, XII и XIII вв. К XIII в. графство Люксембург занимало обширную территорию, протянувшуюся от реки Маас до реки Мозель.

В начале XIV в. династия Люксембургов вступила на императорский престол и стала играть главную роль на европейской сцене. В 1308 г. граф Генри VII был избран курфюрстами королем Германии и коронован в Риме папским легатом в 1312 г. Его

¹ Киль Ж. Тысячелетний Люксембург. М., 1965. С. 39.

сын, известный как Иоанн Слепой, стал королем Богемии. Три остальных члена династии Люксембургов носили королевскую или императорскую корону: Карл IV (1346–1378), Венцеслас (1376–1400) и Сигизмунд (1410–1437). В 1354 г. Карл IV возвел графство Люксембург в ранг герцогства².

Мужская линия Люксембургов прервалась со смертью императора Сигизмунда в 1437 г. В 1443 г. герцог Бургундии Филипп Добрый завоевал город. Герцогство Люксембург стало провинцией Нидерландов. Его политическая судьба была связана с этой территорией на протяжении следующих четырех веков.

В 1451 г. после смерти племянницы императора герцогини Люксембургской Елизаветы герцогство было окончательно закреплено за Филиппом Добрым (владения были ему завещаны)³. В 1482 г. Люксембург перешел к испанским Габсбургам, а позже к австрийским, которые владели им в XVI–XVIII вв. В дальнейшем по Регенсбургскому договору от 15 августа 1684 г. Люксембург непродолжительное время находился под властью Франции (1684–1697)⁴.

Герцогство занимало важную стратегическую позицию на европейской арене. Город Люксембург постепенно превращался во внушительную крепость, прозванную «Северным Гибралтаром», а остальные европейские государства стремились завладеть контролем над ней. В 1795 г. французские революционные армии завоевали Люксембург. Страна была присоединена к Франции и стала Лесным округом (Departement des Forêts). 6 декабря 1796 г. Люксембург полностью приравняли к остальным французским территориям в области законодательства⁵.

Установление буржуазного строя во Франции и Люксембурге в первую очередь означало радикальную отмену привилегий дворянства и духовенства. Люксембургские дворяне и духовенство стали такими же гражданами, как и все остальные; они были подчинены равным законам, наделены равными правами и обязанностями.

В Люксембурге, как и во Франции, ликвидировались монастыри, а их собственность была объявлена национальным достоянием. Это повлекло за собой коренное перераспределение земельной собственности, что следует считать одним из важнейших результатов французской революции в Люксембурге. Кроме этого, в Люксембурге было отменено крепостное право и такие феодальные повинности, как барщина, оброк и другие подати в пользу помещика, а также церковная десятина.

После того как Наполеон Бонапарт в 1804 г. провозгласил себя императором французов, Люксембург оказался подчиненным ему вплоть до начала 1814 г. Наполеон защищал крупную буржуазию с помощью жестоких мер и законов, направленных против рабочего класса и старых якобинцев; однако он так же решительно пресекал любые попытки роялистов восстановить старый феодальный порядок.

После того как 19 октября 1813 г. Наполеон потерпел поражение в «битве народов» близ Лейпцига, большая часть его армии устремилась через Люксембург во Францию, преследуемая прусско-русскими союзниками. 15 января 1814 г. гессенцы (наемные войска) начали осаду Люксембурга. 3 мая 1814 г. французы отступили, и Люксембург был занят войсками гессенцев.

Не успела еще капитулировать Люксембургская крепость, которую обороняли французы от осаждавших ее пруссаков и гессенцев, как начала свою деятельность новая гражданская администрация. Ее называли тогда Временной администрацией. Эта администрация была введена Пруссией и царской Россией во всех оккупированных областях. Падение Наполеона и приход союзников не могли рассматриваться люксембургским народом как освобождение. Призыв к восстанию против Франции, с которым обратился к населению прусский военачальник в декабре 1813 г. незадолго перед форсированием Рейна, не нашел никакого отклика ни в Бельгии, ни в Люксембурге. Люксембуржцы не принимали участия в эксцессах против потерпевших поражение и отступавших подразделений французской армии, а также против оставшихся еще французских чиновников. Дело в том, что французы и во времена успехов, и во времена поражения обращались с люксембуржцами как с равными.

² Дэвис Н. История Европы М. : АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 259.

³ Шатохина-Мордвинцева Г. А. История Нидерландов. М. : Дрофа, 2007. С. 76.

⁴ Ивонин Ю.Е., Иволина Л.И. Властители судеб Европы: императоры, короли, министры XVI–XVIII вв. Смоленск : Русич, 2004. С. 370.

⁵ Киль Ж. Тысячелетний Люксембург. С. 80.

Одно из распоряжений Временной администрации от 24 марта 1815 г. предписывало: «Лица, допустившие открытые высказывания или действия, свидетельствующие об их особой приверженности Наполеону Бонапарту или участию в его делах, должны немедленно задерживаться и под конвоем направляться в административный центр или в особый суд»⁶.

Таким образом, падение наполеоновской империи в 1815 г. повлияло и на статус Люксембурга. Главные европейские державы, собравшиеся на Венском конгрессе в том же году, решили укрепить королевство Нидерланды, чтобы помешать любым возможным амбициям Франции.

Венский конгресс в своем Заключительном акте в ст. 65–73⁷ вынес решение об объединении Нидерландов с Южными Нидерландами (территорией будущей Бельгии) в единое королевство Нидерландов, в которое вошли также епископство Льежское и Великое герцогство Люксембургское⁸.

Новое государство возглавил Виллем I, который 16 марта 1815 г. провозгласил себя монархом королевства Нидерландов. В соответствии с германской федеральной конституцией нидерландский король входил одновременно в состав германской федерации как государь Великого герцогства Люксембургского. Это герцогство передавалось ему в личную собственность вместо принадлежавших ему на территории Германии Нассауских владений (Дилленбург, Зиген, Диц и Гадамар)⁹.

Люксембург, имея статус великого герцогства, теоретически был автономной территорией, но при этом он был связан личной унией с королем Нидерландов и герцогом Люксембургским Виллем I Оранским. В то же время членство в германском союзе повлекло за собой размещение прусского гарнизона в крепости в соответствии со ст. 67 Заключительного акта Венского конгресса.

Таким образом, Венский конгресс подчинил Люксембург политически голланд-

скому королю, а в военных вопросах — Германскому союзу. Так пожелали Англия и Пруссия. В Люксембурге был расквартирован сильный прусский гарнизон, который оставался там вплоть до распада Германского союза в 1867 г.¹⁰ Законы Германского союза имели силу и на территории Люксембурга.

С 1815 г. в Бельгии и Люксембурге действовала голландская конституция. Основы буржуазного экономического и общественного строя остались в неприкосновенности, найдя воплощение в Кодексе Наполеона 1804 г. Земли дворян и церкви не подлежали возвращению прежним владельцам.

Присоединение южных провинций потребовало внесения в нидерландскую конституцию определенных изменений. Это было поручено Особой комиссии, в которую вошло равное число представителей Северных и Южных Нидерландов — по 11 человек, назначаемых королем. В комиссии возникало много спорных вопросов об ответственности министров, на чем настаивали либералы, но что было отвергнуто, по вопросу о выборе столицы для королевства, причем голландцы предлагали Амстердам, бельгийцы Брюссель (в конце концов решено было вовсе не упоминать о столице)¹¹.

Но главным был вопрос об организации высшего органа управления страной. Представители Севера настаивали на сохранении однопалатной системы Генеральных штатов, в то время как южане требовали учредить две палаты. Требования последних были приняты, и Генеральные штаты отныне состояли из двух палат.

В первую (верхнюю) палату входили 40–60 членов, назначаемых пожизненно королем. Во вторую (нижнюю) палату северные и южные Провинциальные штаты избирали 110 депутатов — по 55 от Севера и Юга. Выборы были непрямыми и с высоким избирательным цензом. Хотя избирательный корпус Нидерландов был одним из самых многочисленных в Европе того времени — 60 тыс. избирателей в южных провинциях и 80 тыс. в северных (население каждой из этих территорий составляло в тот период 3 и 2,2 млн человек соответственно), — фактически большая часть

⁶ Там же. С. 101–102.

⁷ Acte final du Congrès de Vienne du 9 Juin 1815. URL: <http://mjp.univ-perp.fr/traites/1815vienne.htm>

⁸ История Европы с древнейших времен до наших дней : в 8 т. Т. 5. От Французской революции конца 18 века до Первой мировой войны / под ред. А.О. Чубарьяна. М. : Наука, 2000. С. 127.

⁹ Рыжов К. Все монархи мира. Западная Европа: Энциклопедия. М. : Вече, 2001. С. 44.

¹⁰ Киль Ж. Указ. соч. С. 100.

¹¹ История XIX века. Т. 3 / под ред. проф. Лависса и Рамбо / пер. с фр. Е.В. Тарле. М., 1938. С. 329.

населения страны не была в нем представлена¹².

Голландская конституция предоставляла королю особые права, которые очень напоминали древние феодальные привилегии. Королю принадлежало право объявлять войну и заключать мир, он выбирал министров, которые не были ответственны перед народными представителями, составлявшими Генеральные штаты с двумя палатами. Члены одной палаты назначались королем пожизненно, а члены другой выбирались провинциальными собраниями, председатели которых также назначались королем. Бельгия и Голландия имели равное число представителей. Налоги, необходимые для постоянных расходов государства, утверждались палатами на 10 лет; только непредвиденные расходы утверждались ежегодно. Судьи были сменяемы, суда присяжных не было. Пресса также была стеснена исключительными временными законами, продолжавшими существовать вплоть до 1850 г.¹³

Король по собственному усмотрению мог освободить любое лицо от обязанности выполнять тот или иной закон, мог произвольно освобождать от уплаты налогов, назначать пенсии, раздавать должности, освобождать от наказания, приостанавливать судебное преследование, выделять секретные субсидии. Все эти привилегии были на пользу только королевским служащим. Наконец, Виллем I объявил голландский язык обязательным языком в судопроизводстве и управлении. Многие представители буржуазной интеллигенции оказались под угрозой увольнения с государственной службы и замены голландцами. Такая же ситуация сложилась и в Бельгии. Все это возмущало бельгийцев, поскольку Виллем стал уже открыто ущемлять их конституционные свободы¹⁴. В дальнейшем это привело к тому, что во всех классах населения, за исключением слоя буржуазии, постепенно начала созревать мысль о разрыве с Голландией¹⁵.

Следует отметить, что в объединенном королевстве бельгийские провинции играли по сравнению с Северными Нидерландами подчиненную роль: экономические, по-

литические и религиозные интересы всех слоев бельгийского населения ущемлялись голландцами.

Впоследствии голландская конституция 1815 г. была отвергнута большинством бельгийских представителей в Генеральных штатах в августе 1815 г. Ряд законов правительства вызвал широкое недовольство всех слоев бельгийского населения. В бельгийских провинциях, особенно в тех, где были сосредоточены большие массы рабочих, почти каждый четвертый или пятый житель был внесен в списки неимущих¹⁶.

Революционные события во Франции в июле 1830 г. ускорили взрыв освободительной борьбы в Бельгии¹⁷. Бельгийские революционеры построили в Брюсселе баррикады и вступили в борьбу с королевскими войсками. Затем бельгийские революционеры выработали свою конституцию, в соответствии с которой избирательный ценз был понижен, а министры стали ответственными перед Палатой депутатов. Виллем I сначала не хотел идти на конституционные уступки, надеясь на иностранное вмешательство и рассчитывая главным образом на помощь России и Пруссии, но Франция и Англия были на стороне требований бельгийцев; поэтому и Россия с Пруссией должны были признать за Бельгией самостоятельность, чего и стали добиваться бельгийцы. После этого было образовано королевство Бельгия, во главе с королем Леопольдом I.

Другая часть Нидерландов образовала Голландское королевство, где королем остался Виллем I Оранский, который теперь в Голландии стал ущемлять конституционные свободы граждан, чем вызвал их общее недовольство. Кроме того, большой государственный долг, возникший из-за недальновидной политики Виллема I, вызвал еще большую непопулярность короля. При таких обстоятельствах Виллем I решил передать престол своему сыну Виллему II. Приняв титул графа Нассауского, Виллем I уехал в Берлин, где женился на графине д'Утремон и умер в 1843 г.

Виллем II Оранский (1840–1848) продолжил политику ущемления конститу-

¹² Шатохина-Мордвинцева Г.А. Указ. соч. С. 252.

¹³ Куприянова Л. Современная Бельгия в связи с ее историческим развитием. СПб., 1898. С. 72.

¹⁴ Дворников П. Новая история. М., 1910. С. 275.

¹⁵ Киль Ж. Указ. соч. С. 111.

¹⁶ История Европы с древнейших времен до наших дней : в 8 т. Т.5 . От Французской революции конца 18 века до Первой мировой войны / под ред. А.О. Чубарьяна. М. : Наука, 2000. С. 205.

¹⁷ Всемирная история : в 10 т. Т. 6. М., 1959. С. 221.

ционных свобод граждан, но под влиянием Февральской революции во Франции вынужден был уступить голландцам в их борьбе. В 1848 г. он даровал Голландии новую конституцию, по которой в королевстве устанавливался парламентский строй¹⁸.

Когда разразилась революция в Бельгии, часть населения Люксембурга воевала на стороне бельгийских повстанцев, выражая таким образом свое недовольство политикой Виллема I. Затем крупные державы решили разделить бельгийцев и голландцев, создав Королевство Бельгия в 1831 г. Однако для разрешения данной проблемы Люксембурга потребовалось время. Ввиду отсутствия соглашения между бельгийским парламентом и Виллемом I город остался под властью голландцев, в то время как остальная часть страны находилась под властью временного бельгийского правительства.

10 ноября 1830 г. открыл свою работу Национальный конгресс, который должен был решить два важнейших вопроса — о будущем политическом устройстве Бельгии и о ее конституции. 18 ноября конгресс единогласно признал независимость Бельгии с сохранением связи между Люксембургом и Германским союзом. 22 ноября 174 голосами против 13 конгресс высказался за конституционную наследственную монархию.

Люксембуржцы участвовали в выборах в бельгийский Национальный конгресс, который 10 ноября 1830 г. установил конституционную монархию во главе с династией Саксен-Кобурга, поддерживавшуюся Англией, и навсегда отстранил от бельгийского трона Оранско-Нассаускую династию. Все люксембургские депутаты поддержали это решение. Позже люксембуржцы на равных правах с бельгийцами участвовали в выборах обеих законодательных палат. Они занимали высокие государственные и военные посты. Люксембуржец И.Б. Нотхонб из Мессанси стал секретарем правительства, а потом министром; уроженец Ремиха И.П. Торн являлся губернатором провинции Люксембург. В 1838 г. половину правительства составляли бывшие «великие герцоги». Многие люксембургские профессора преподавали в бельгийских университетах и пользовались ши-

рокой известностью, среди них был и известный юрист Франсуа Лоран¹⁹.

Конституция, принятая Национальным конгрессом, была опубликована 7 февраля 1831 г. С формальной точки зрения эта конституция являлась самой либеральной хартией на континенте и в дальнейшем послужила образцом для конституций Османской империи, Италии, Румынии, Греции, Испании, Португалии и Люксембурга²⁰.

Великие державы усмотрели, что в результате Бельгийской революции 1830 г. Венский договор 1815 г. фактически утратил свое значение, и решили пойти на компромисс, согласовав в этой новой ситуации интересы Англии, Франции и Пруссии. В результате в июне 1831 г. был заключен «Договор 18 статей», который закреплял отделение Бельгии от Голландии, но оставлял открытым люксембургский и лимбургский вопросы. 15 октября 1831 г. на другой конференции в Лондоне был заключен «Договор 24 статей», который решал вопрос о судьбе Лимбурга и Люксембурга. Бельгия и Голландия долго отказывались признавать этот договор. Окончательно они пошли на такое признание лишь 19 апреля 1839 г.²¹

Согласно «Договору 24 статей» Бельгия сохраняла за собой западную часть Люксембурга, а восточную и южную, по другую сторону Мааса, а также северо-восточную часть Лимбурга, с Мастрихтом и Венлоо — уступала²².

В соответствии со ст. 3 Лондонского договора 1839 г. Союз, который существовал между Голландией и Бельгией в силу Венского договора 1815 г., признавался Королем Нидерландов и Великим герцогом Люксембурга Виллем II расторгнутым²³. Кроме того, в соответствии со ст. 7 Дополнительного соглашения к Лондонскому договору 1839 г. Бельгия в границах, ука-

¹⁹ Киль Ж. Указ. соч. С. 117.

²⁰ История Европы с древнейших времен до наших дней. В восьми томах. Т. 5. От Французской революции конца 18 века до Первой мировой войны. С. 206–207.

²¹ Киль Ж. Указ. соч. С. 119.

²² Йегер О. Всемирная история : в 4 т. Т. 4. М., 2002. С. 315.

²³ Traité entre la France, l'Autriche, la Grande-Bretagne, la Prusse et la Russie, d'une part, et les Pays-Bas de l'autre part, relatif à la séparation de la Belgique d'avec les Pays-Bas conclu et signé à Londres le 19 avril 1839. URL: <http://mjp.univ-perp.fr/constit/be1839.htm>

¹⁸ Дворников П. Новая история. С. 275–276.

занных в ст. 1, 2 и 4 Дополнительного соглашения, становилась независимым и постоянно нейтральным государством. При этом Бельгия обязывалась соблюдать нейтралитет по отношению ко всем другим странам. Кроме того, ст. 25 Дополнительного соглашения к Лондонскому договору 1839 г. устанавливала мир и дружбу между Королем Нидерландов и Великим герцогом Люксембурга и Королем Бельгии, а также между их наследниками и преемниками²⁴.

Лондонский договор 1839 г. имел огромное значение в становлении государственности Люксембурга. В соответствии со ст. 2 Дополнительного соглашения к Лондонскому договору 1839 г. Великое Герцогство Люксембург должно было быть поделено между двумя странами — Бельгией и Нидерландами. Именно этот момент считается отправной точкой создания независимого государства Люксембург.

В соответствии с Лондонским договором 1839 г. Люксембург терял практически 2/3 своей территории. Большая часть тогдашней территории Люксембурга — 8 районов общей площадью 4320 кв. км и населением 160 тыс. человек отошла к Бельгии. К нынешнему Люксембургу отошли лишь 3 района (Люксембург, Дикирх и Певенмахер) площадью 2587 кв. км и на-

селением 170 тыс. человек, из которых все, за исключением двух деревень, говорили по-люксембургски. Эта территория явилась территорией нынешнего государства Люксембург; она была окончательно уточнена Лондонским договором 19 апреля 1839 г. и признана великими державами (Англия, Франция, Пруссия, Австрия, Россия). Этим был достигнут определенный прогресс; Люксембург перестал быть 18-й провинцией Нидерландов, но он еще не стал в результате этого акта независимым государством. Больше того, великие державы самым категорическим образом подтверждали, что Люксембург остается составной частью Германского союза. Не ставился также вопрос и о смене династии в Бельгии. Лондонский договор вновь отдал Люксембург во власть Оранской династии. Эту форму подчинения называли личной унией²⁵.

В дальнейшем отсутствие территориальной связи с Нидерландами вынудило короля — великого герцога предоставить Люксембургу самостоятельное управление. Конституция 1841 г. и три последовавших за ней в 1848, 1856 и 1868 гг. заложили правовые основы нынешнего государства и гарантировали естественные права и свободы своим гражданам. С тех пор политическим режимом Люксембурга является парламентская демократия в рамках конституционной монархии.

²⁴ Traité entre la Belgique et la Hollande, relatif à la séparation de leurs territoires respectifs, signé à Londres, le 19 avril 1839. URL: <http://mjp.univ-perp.fr/constit/be1831londres.htm>

²⁵ Киль Ж. Указ. соч. С. 119–120.

Литература

1. Дворников П. Новая история / П. Дворников. М. : Издание магазина «Сотрудник школ» А.К. Залеской. Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1910. XII, 327 с.
2. Дэвис Н. История Европы / Н. Дэвис. М. : АСТ: Транзиткнига, 2005. 944 с.
3. Йегер О. Всемирная история : в 4 т. Т. 4 / О. Йегер. М., 2002. 248 с.
4. Ивонин Ю.Е. Властители судеб Европы: императоры, короли, министры XVI–XVIII вв. / Ю.Е. Ивонин, Л.И. Ивонина. Смоленск : Русич, 2004. 464 с.
5. Киль Ж. Тысячелетний Люксембург / Ж. Киль. М., 1965. 296 с.
6. Куприянова Л. Современная Бельгия в связи с ее историческим развитием / Л. Куприянова. СПб., 1898. 243 с.
7. Рыжов К. Все монархи мира. Западная Европа: Энциклопедия / К. Рыжов. М. : Вече, 2001. 560 с.
8. Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов / Г.А. Шатохина-Мордвинцева. М. : Дрофа, 2007. 515 с.
9. Всемирная история : в 10 т. Т. 6. М., 1959. 872 с.
10. История Европы с древнейших времен до наших дней : в 8 т. Т. 5. От Французской революции конца 18 века до Первой мировой войны / под ред. А.О. Чубарьяна. М. : Наука, 2000. 676 с.
11. Acte final du Congrès de Vienne du 9 Juin 1815. URL: <http://mjp.univ-perp.fr/traites/1815vienne.htm>
12. Traité entre la Belgique et la Hollande, relatif à la séparation de leurs territoires respectifs, signé à Londres, le 19 avril 1839. URL: <http://mjp.univ-perp.fr/constit/be1831londres.htm>
13. Traité entre la France, l'Autriche, la Grande-Bretagne, la Prusse et la Russie, d'une part, et les Pays-Bas de l'autre part, relatif à la séparation de la Belgique d'avec les Pays-Bas conclu et signé à Londres le 19 avril 1839. URL: <http://mjp.univ-perp.fr/constit/be1839.htm>

Канцлер Англии в Средние века и раннее Новое время

*Стрижаков Илья Владиславович,
аспирант кафедры теории государства и права
Сургутского государственного университета
ilia0707@mail.ru*

В правовой историографии Англии значительное внимание уделяется институту канцлерства как судебного учреждения. Вместе с тем Канцлер выполнял и некоторые иные функции. В данной статье рассматривается становление должности Канцлера в Англии в Средние века и раннее Новое время. Описываются функции, возложенные на него, и дается их краткая характеристика.

Ключевые слова: Канцлер Англии, Большая печать, Хранитель Печати, Палата лордов, Палата общин.

Chancellor of England in the Middle Ages and Early Modern Times

*Strizhakov Ilya V.,
Postgraduate Student of the Department of Theory of State and Law
of the Surgut State University*

In legal history of England considerable attention is paid to Chancery as a court. At the same time, Chancellor performed some other functions. This article examines the establishment of the Chancellor of England in the Middle Ages and early modern times. It is also describes the functions assigned to it, and gives a brief description of them.

Key words: Chancellor of England, The Great Seal, Lord Keeper of the Great Seal, House of Lords, House of Commons.

Должность Канцлера неразрывно связана с его ведомством — Канцелярией. Последняя существует примерно столько же, сколько и монархия, и дольше, чем Парламент. Конкретная дата возникновения Канцелярии неизвестна. Джон Кемпбел (John Campbell), бывший непродолжительное время Лордом Канцлером в середине XIX в., установил, что данная должность возникла в VII в. Он назвал Свифина (St. Swithin) первым главой этой службы¹. Вместе с тем большинство исследователей государственной истории Англии предпочитают считать XI в. моментом возникновения Канцелярии. Например, Андерхилл (Underhill), несмотря на то что называет в качестве первого короля, у которого был Канцлер, — Кнута (1016–1035 гг.), отмечает, что первые документальные свидетельства, касающиеся Канцлера, относятся к 1068 г.²

Все ранние Канцлеры были духовными лицами, а также считались одними из

самых образованных людей королевства. До 1530 г. пост Канцлера занимали 160 лиц духовного сана и всего несколько мирян. В период с 1380 г. и до конца правления Ричарда II, за одним исключением в лице Де Ла Пола (de la Pole) (1383–1386 гг.), Канцлерами были священнослужители, в том числе два архиепископа и пять епископов. В связи с этим Канцлер также играл роль королевского духовника, а также нес ответственность за королевскую переписку и учет некоторых королевских доходов.

В ведении Канцлера находились Большая печать и юрисдикция Короля по исправлению и дополнению общего права³. Большую печать доверяли Канцлеру под личную ответственность⁴. Важность печати была столь высокой, что позже Лорд Канцлер Эддон (1800–1827 гг.) говорил, что спит с ней под подушкой. Кроме того, из-за такой ответственности Лорд Канцлер, которому поручалось ее хранение, мог покинуть страну только с разрешения су-

¹ Woodhouse D. The Office of Lord Chancellor. Oxford: Hart Publishing, 2001. P. 1.

² Underhill N. The Lord Chancellor. Lavenham: Terence Dalton, 1978. P. 1.

³ Parkes J. A History of the Court of Chancery. London: [s.n.], 1828. P. 34.

⁴ Campbell J. Lives of Chancellors: in 10 vol. V. 1. London: John Murray, 1868. P. 17.

верена, который назначал специальную комиссию для охраны Печати на время отсутствия Канцлера.

В те периоды времени, когда Канцлер не был назначен, Большая печать хранилась у суверена. Иногда она передавалась временному хранителю, но с ограниченными полномочиями (связанными только с оформлением приказов суду), а иногда и со всеми полномочиями, но не со статусом Канцлера. Со временем появилась практика назначения кого-то для хранения Большой печати с титулом «Хранитель» (Keerer), что означало, что он должен постоянно хранить Печать и выполнять все связанные с этим обязанности⁵.

В начале XIII в., во время правления Иоанна Безземельного, должность Хранителя Большой печати отличалась от должности Канцлера — первый хранил печать и только позже получил власть использовать ее⁶. Связано это было с тем, что в этот период времени Канцлер был вынужден часто пребывать за пределами Англии, и часть его функций была передана Лорду Хранителю.

Королева Елизавета I передала Большую печать с титулом «Хранитель» Сэру Николасу Бэкону. Вероятно, в связи с сомнениями в правомерности некоторых принятых им актов и чтобы устранить их, был принят статут (5 Eliz. I, cap. 18)⁷, устанавливающий, что «Лорд Хранитель Большой печати в настоящее время должен иметь то же место, преимущества и юрисдикцию, что и Лорд Канцлер Англии». Разница в этих должностях заключалась только в разнице титулов — один был почетнее и выше другого⁸.

К середине XIV в. Канцлер приобрел важные правовые функции⁹. Они были сосредоточены не только на Канцелярии, которая со временем стала судом, но также в Совете, который со временем стал Судом Звездной палаты. Забота Канцлера о законе приняла несколько форм. Он при-

влекался для консультации Совета по вопросам римского, канонического, а также общего права. Кроме того, в его обязанности входило составление приказов, с которых начиналось рассмотрение дел в королевских судах общего права¹⁰.

Он также получил обязанность по рассмотрению жалоб подданных, адресованных королю, которые не могли получить защиту своих прав в судах общего права и просили королевского вмешательства. В конце XV в. такие жалобы автоматически переадресовывались Советом Канцлеру. Ко времени правления Генриха VII Суд Канцлера стал называться Судом справедливости и сохранял такой статус до реформы 1875 г.

Возрастающая важность и влияние Канцлера привели к увеличению его политического влияния. В позднее Средневековье Канцлеры разделялись на две категории — тех, что были профессиональными администраторами, находящимися в зависимости от короля, и тех, что использовались королем в качестве лидера политических фракций¹¹. В этот период времени функции Канцлера значительно отличались в зависимости от того, на чем основывалась их власть, в зависимости от отношений с другими видными политическими деятелями и от их личности. Кардинал Уолси (1515–1529 гг.), во время правления Генриха VIII находившийся в должности Канцлера, обладал обширными полномочиями¹². Власть, которую он получил, принадлежала лично ему и сделала его «особенным среди английских Канцлеров»¹³.

Последователь Уолси — Томас Мор (1529–1533 гг.) был юристом, в то время как большинство его предшественников были представителями духовенства. У него не было сильной политической позиции, но он был спикером Палаты общин. Данную роль также играли приемники Мора¹⁴.

⁵ Campbell J. Lives of Chancellors: in 10 vol. V. 1. London : John Murray, 1868. P. 18.

⁶ Parkes J. A History of the Court of Chancery. London: [s.n.], 1828. P. 14.

⁷ Marsh A.H. History of the Court of chancery and of the rise and development of the doctrines of equity. Toronto : Carswell & Co., 1890. P. 13.

⁸ Campbell J. Lives of Chancellors: in 10 vol. V. 1. London : John Murray, 1868. P. 18.

⁹ Underhill N. The Lord Chancellor. Lavenham : Terence Dalton, 1978. P. 75.

¹⁰ Maitland F.W. The Constitutional History of England. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1908. P. 222.

¹¹ Underhill N. The Lord Chancellor. Lavenham : Terence Dalton, 1978. P. 45.

¹² Kilmuir D. Political adventure: the memoirs of the Earl of Kilmuir. London : Weidenfeld and Nicolson, 1962. P. 32.

¹³ Underhill N. The Lord Chancellor. Lavenham : Terence Dalton, 1978. P. 67.

¹⁴ Woodhouse D. The Office of Lord Chancellor. Oxford : Hart Publishing, 2001. P. 4.

Сочетание функций, которые ложились на Канцлера, делало его особенно важным. Как секретарь, он пользовался доверием короля в светских вопросах; как духовник, он давал советы королю в вопросах совести; как Хранитель Печати он был нужен для формального выражения королевской воли¹⁵.

Лорд Канцлер также являлся спикером Палаты лордов, вне зависимости от того, был он пэром или нет. Корона могла назначить другого спикера. В случае отсутствия такого назначения лорды могли выбрать спикера из своих рядов. Но все эти назначения автоматически отменялись,

как только Канцлер входил в Палату¹⁶. При этом в случае суда над пэром за совершение государственной измены выбранными пэрами или Палатой лордов, когда парламент не заседает, в роли председателя суда Лорд Канцлер сменялся пэром (Lord High Steward), который специально назначался Короной¹⁷.

Таким образом, Лорд Канцлер выполнял административные, судебные и даже политические функции. Это делало его одним из самых важных чиновников королевства.

¹⁵ Anson W.R. The Law and Custom of the Constitution. Oxford : Clarendon press, 1922. P. 164–165.

¹⁶ Campbell J. Lives of Chancellors: in 10 vol. V. 1. London : John Murray, 1868. P. 14.

¹⁷ Campbell J. Lives of Chancellors : in 10 vol. V. 1. London : John Murray, 1868. P. 15.

Литература

1. Ансон У.Р. Основополагающие права и обычаи / У.Р. Ансон. Оксфорд : Кларендонн пресс, 1922. 484 с.
2. Кэмпбелл Д. Жизнь Лордов Канцлеров и Хранителей Большой Печати Англии, с ранних времен до времени правления Георга IV : в 10 т. / Д. Кэмпбелл. Т. 1. Лондон : Джон Мюррэй, 1864. 432 с.
3. Андерхилл Н. Лорд Канцлер / Н. Андерхилл. Лавенхам : Терес Далтон, 1978. 248 с.
4. Килмир Д. Политическая авантюра: воспоминания графа Килмира / Д. Килмир. Лондон : Вейденфелд и Николсон, 1962. 256 с.
5. Марш А.Г. История Суда Канцлера, а также возникновение и расцвет доктрины права справедливости / А.Г. Марш. Торонто : Карсвелл и партнеры, 1890. 140 с.
6. Мэйтланд Ф.В. Конституционная история Англии / Ф.В. Мэйтланд. Кэмбридж : Кэмбридж юниверсити пресс, 1908. 547 с.
7. Паркес Д. История Суда Канцлера / Д. Паркес. Лондон : [б.и.]. 1828. 616 с.
8. Вудхаус Д. Канцелярия Англии / Д. Вудхаус. Оксфорд : Харт Паблишинг, 2001. 223 с.

Из рабов в господа: «карьер» русских пленников в среднеазиатских ханствах XVIII–XIX вв.*

*Почекаев Роман Юлианович,
профессор, заведующий кафедрой
теории и истории права и государства
Санкт-Петербургского филиала
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
кандидат юридических наук, доцент
ropot@mail.ru*

Статья посвящена анализу некоторых особенностей правового положения русских пленников в ханствах Средней Азии. Большинство их обращалось в рабы и пребывало в крайне тяжелых условиях, однако некоторым удавалось существенно изменить свой статус и сделать своего рода «карьеру», заняв административные или военные должности в том или ином ханстве. Целью статьи является анализ причин, по которым менялось правовое положение таких невольников, а также условий, которые они должны были выполнить для его изменения. Наиболее подробные сведения такого рода содержат записки дипломатов и путешественников, побывавших в ханствах в рассматриваемый период и имевших возможность видеть этих пленников и их реальное положение, а также сведения самих русских пленных.

Ключевые слова: Российская империя, Бухарский эмират, Хивинское ханство, Кокандское ханство, военнопленные, рабство, мусульманское право.

From Slaves to Masters: “Career” of Russian Captives in Central Asian Khanates in XVIII–XIX Centuries

*Pochekaev Roman Yu.,
Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State
of the Saint Petersburg branch
of the National Research University “Higher School of Economics”,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

Article devoted to specific features of status of Russian captives in Central Asian Khanates. Most part of them became slaves with very hard living conditions. But some of them could change their status and obtain promotion taking administrative or military position in one or another khanate. The goal of the article is to clarify reasons of such substantial change in the captives’ status and requirement they had to fulfill for such change. Such information could be found in notes of diplomats and travelers as well as in memoirs of captives themselves.

Key words: Russian Empire, Bukharan Emirate, Khivan Khanate, Khoqand Khanate, prisoners of war, slavery, Islamic law.

Проблема государственного и общественного противодействия терроризму, ставшая столь актуальной в последние годы¹, на самом деле имеет многовековые

¹ См., например: Арестова О.Н. Общество против террора и экстремизма как основополагающая идея

истоки, и одним из проявлений террористической деятельности с древности стало похищение людей. Русское государство

мирного сосуществования и выживания в России и Европе // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 3. С. 7–10.

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 16-01-0022) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих 10 университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

столкнулось с этой проблемой еще в Средневековье, в процессе взаимодействия с кочевниками евразийских степей, которые многократно совершали набеги на русские земли, захватывали пленников и обращали их в рабство, нередко продавая в Среднюю Азию и далее. Не исчезла проблема и после того, как Российское государство включило в свой состав многие кочевые регионы Евразии — владения бывшей Золотой Орды. Наиболее же значительных масштабов охота за русскими пленниками достигла в XVIII–XIX вв., превратившись в весьма доходный промысел для горцев Кавказа и кочевников Центральной Азии.

Неудивительно, что проблема русских пленников являлась важнейшим камнем преткновения в отношениях России со среднеазиатскими ханствами — Бухарским, Хивинским, Кокандским. Российские власти предпринимали усилия для освобождения соотечественников, что нередко служило и поводом для открытых военных действий против ханств Средней Азии — в частности, нежелание хивинских ханов освобождать русских пленников стало предлогом для походов на Хиву зимой 1839–1840 гг. и в 1873 г. Тема освобождения русских невольников накануне таких походов и сразу после их окончания весьма широко поднималась в правовых актах и публицистике, при этом весьма подробно описывались мучения русских в среднеазиатском плену, настоятельная необходимость их освобождения². Имеются даже специальные исследования, посвященные судьбе русских пленников в Средней Азии³. В этих работах описываются условия пребывания русских невольников в среднеазиатских ханствах, проблемы, связанные с их освобождением. Нет оснований сомневаться, что большинство рабов жило в тяжелых условиях. Можно с пол-

ным доверием отнести к сообщению английского разведчика Р. Шекспира, побывавшего в Хиве в 1840 г., о том, что средняя продолжительность жизни русских мужчин в качестве рабов составляла десять с половиной лет, женщин — около семнадцати лет⁴.

Вместе с тем очевидцами упоминаются и случаи, когда отдельным пленникам удавалось добиться определенного положения в том или ином ханстве, сменить тяжкий рабский труд на более квалифицированную работу, а иногда даже — занять военную или административную должность. Исследователи лишь упоминают о таких фактах, а между тем представляет интерес, что именно позволяло таким невольникам «сделать карьеру», как при этом менялся их статус, какие возможности они приобретали и чем им приходилось жертвовать для этого. Попыткой ответить на эти вопросы является данная статья. Основные источники, содержащие необходимую информацию, — это записки российских дипломатов, торговцев и путешественников, а также сообщения самих пленников, которым удавалось бежать из неволи или обрести свободу иным образом.

Прежде всего выясним, какие именно должности занимали русские пленники в Бухаре, Хиве или Коканде. Естественно, говорить об их «феерической карьере» не приходится: неизвестно ни одного случая достижения русским пленным высокого поста в ханской администрации или высшей командной должности в армии. Речь идет о занятии сравнительно невысоких должностей, тем не менее наделяющих бывших рабов некоторой степенью административных полномочий.

Так, один из освободившихся пленников рассказал о судьбе некоего Егора Щукина, который, благодаря своей грамотности и честности, был назначен по воле своего хозяина — хивинского дивана-беги (фактически премьер-министра) надсмотрщиком в хивинском караван-сараяе, т.е. отвечал за сбор торговых пошлин в

² См., например: Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 8223; К.А. Бедствия пленных русских у хивинцев // Туркестанский сборник. Т. 149. 1873. С. 117–130; Михайлов. Голос Хивинских пленных // Нива. 1873. № 30. С. 465–470.

³ Веселовский Н.И. Русские невольники в среднеазиатских ханствах // Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. Вып. 7. СПб., 1881; Перфильев А.А. О судьбе русских пленных в ханствах Средней Азии (XVIII–XIX вв.) // История идей и история общества: Материалы VIII Всероссийской научной конференции (г. Нижневартовск, 15–16 апреля 2010 г.). Нижневартовск, 2011. С. 115–120.

⁴ Shakespear R. A Personal Narrative of a Hourney from Heraut to Ourenbourg, on the Caspian, 1840 // Blackwoods Edinburgh Magazine. No. CCCXX. June 1842. Vol. LI. P. 714. Впрочем, упоминает он и случаи пребывания в рабстве более 60 лет (см. также: Веселовский Н.И. Русские невольники в среднеазиатских ханствах. С. 7).

ханскую казну⁵. Бежавший из хивинского плена астраханец Тихон Рязанов рассказывал, что его спутник по побегу, Федор Грушин, «служил у хана в чести и милости... его и боялись, и слушались все — и правые, и виноватые». Любопытно, что поначалу Грушин обратил на себя внимание как сильный борец, победивший местного чемпиона, а уж затем проявил и другие качества, позволившие ему добиться влияния при хане⁶. Саратовский купец Я.П. Жарков упоминает слугу хивинского мехтера (градоначальника) Алешу Битку, который даже выступал посредником между своим хозяином и местными торговцами при вручении ими взяток — благодаря своей «услужливости», коммуникабельности и привлекательной внешности⁷.

Большую группу русских невольников составляли военнопленные — солдаты, захваченные в плен во время боевых действий. Особенно большое число таких воинов оказалось в Хиве в результате разгрома печально известной экспедиции князя А. Бековича-Черкасского, который во главе крупного отряда по поручению Петра I двинулся в Хивинское ханство, но в 1717 г. был разбит, сам погиб, а многие его солдаты попали в плен. По некоторым сведениям, после разгрома отряда в Хиве оказалось около 3000 пленных из отряда Бековича — «как русских, так калмык и иноземцов»⁸. Многие из них оказа-

лись в рабстве в Хиве, а около сотни было передано бухарскому хану. По-видимому, условия их жизни были не столь тяжелы: унтер-офицер Ф. Ефремов, сам попавший в бухарский плен в 1774 г., упоминает, что еще застал в живых пятерых участников экспедиции Бековича-Черкасского, достигших к этому времени столетнего возраста⁹. Тем не менее сомнений в их рабском статусе не возникает.

Справедливости ради стоит отметить, впрочем, что проблема обращения в рабство военнопленных существовала и в России — правда, государство достаточно активно старалось противодействовать ей, соблюдая нормы и принципы международного права¹⁰. Однако и в Бухаре, и Хиве русские военнопленные, как правило, не превращались в рабов — в традиционном понимании этого термина, т.е. бесплатную рабочую силу на тяжелых физических работах. Правда, это объяснялось не признанием со стороны местных правителей международно-правовых норм, а исключительно прагматизмом ханов: захваченные в плен солдаты (и уж тем более сержанты и офицеры) представляли большую ценность именно как военные специалисты, в качестве каковых их и стремились использовать новые хозяева.

Русские военнопленные активно привлекались на военную службу, став прообразом регулярного войска (сарбазов) в среднеазиатских ханствах, особенно — в Бухаре, где для русских солдат в пригороде столицы был отведен целый квартал (естественно, жалованья солдатам-невольникам, в отличие от последующих сарбазов местного происхождения, не платили)¹¹.

⁵ Юдин П.А. Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. Т. LXXXVI. 1896. С. 417.

⁶ Даль В. Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова // Утренняя заря: Альманах. 1839. С. 75.

⁷ Записки купца Жаркова. 1854 г. // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII — середины XIX века. Астана, 2012. С. 605.

⁸ Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным / подгот. Я.В. Ханькова. СПб., 1851. С. 18; Веселовский Н.И. Русские невольники в среднеазиатских ханствах. С. 3. Впрочем, в дальнейшем случаи захвата русских солдат во время боевых действий стали единичными. Например, во время похода на Ак-Мечеть в 1853 г. кокандцы сумели взять в плен только двух российских пленников — казака и татарина-переводчика (которые, впрочем, были освобождены после захвата крепости), см.: Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть. 1853 г. / пред., подгот. текста, коммент. И.В. Ерофеевой, Б.Т. Жанаева // История Казахстана в документах и материалах. Вып. 2. Астана, 2012. С. 355.

⁹ Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию. 3-е изд. Казань, 1811. С. 89, 94–95.

¹⁰ См. подробнее: Познахирев В.В. Основы правового регулирования военного плена в России в конце XVII — начале XX вв.: на примере русско-турецких вооруженных конфликтов // История государства и права. 2012. № 15. С. 34–36; Он же. Организационно-правовые меры противодействия закреплению военнопленных в России в XVIII — начале XIX в. (на примере подданных Османской империи) // История государства и права. 2014. № 21. С. 62–64.

¹¹ Галкин М.Н. Показания русских пленных, возвращенных из Бухары в 1858–1859 гг. // Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю СПб., 1868. С. 213–214, 221, 233. См. также: Веселовский Н.И. Русские невольники в среднеазиатских ханствах.

Наибольший интерес для ханов представляли артиллеристы, поскольку пушки у ханов были, а стрелять из них было некому¹²; спрос на русских артиллеристов продолжал существовать в Средней Азии и в XIX в.¹³ — пока в Хиве и Бухаре не появились британские инструкторы, наладившие обучение местных пушкарей. Весьма интересным представляется сообщение Ф. Беневени, посла Петра I в Бухаре в 1720-е годы, согласно которому хан держал при себе охрану из русских пленников и калмыков, поскольку не мог доверять своим сорочичам-узбекам!¹⁴

Весьма показательна участь вышеупомянутого Филиппа Ефремова. Сначала он стал солдатом стражи бухарского аталыка Даниял-бия (фактического правителя Бухарского хана при монархе-марионетке), вскоре был назначен десятником, а после успешного участия в боевых действиях против самаркандских мятежников — и юзбаши, т.е. сотником, причем только двадцать из его подчиненных также были русскими¹⁵. Со временем Ефремов стал доверенным лицом аталыка, с поручениями которого ездил из армии в столицу. Воспользовавшись одним из таких случаев, он сумел получить в ханской канцелярии документ (что также отражает значительный уровень его полномочий), с помощью которого выдал себя за бухарского посла в Коканд и сумел бежать¹⁶.

Достичь свободы в среднеазиатских ханствах русские могли, приняв ислам: согласно мусульманским канонам, мусульмане не имели права держать в рабстве своих единоверцев. В самом деле, очевидцы упоминают о случаях принятия ислама. Так, известный впоследствии ученый Н.А. Северцов, проведенный в 1858 г. целый месяц в плену у кокандцев, захвативших его ради выкупа, упоминает, что к нему прихо-

дил русский казак, который бежал в Коканд, принял ислам и жил «здесь вольным кокандцем»¹⁷. В этой связи следует отметить, что еще в XVII в. русские дипломаты в Средней Азии в ответ на требования вернуть русских пленных сталкивались с таким доводом, что те приняли «истинную веру», получили свободу, стали подданными ханов, а родина становилась для них, таким образом, «иноверческой»¹⁸.

Однако при этом нельзя не увидеть определенных противоречий между подобной позицией среднеазиатских монархов и реальной ситуацией. Так, запрет на содержание в рабстве единоверцев не раз нарушался: например, в 1858 г. российский посол в Хиве и Бухаре полковник Н.П. Игнатьев освободил из бухарского плена четырех казахов¹⁹, которые, как известно, являлись единоверцами бухарцев. С другой стороны, принятие ислама не являлось гарантией немедленного предоставления свободы: горные чиновники Т.С. Поспелов и М.С. Бурнашев, посетившие в 1800 г. независимое Ташкентское владение, отмечают, что русские рабы, попадая ко двору местного правителя Юнус-ходжи, обязаны были принимать ислам, при этом ничего не упоминая об их освобождении²⁰.

Однако это, вероятно, было связано с тем, что Ташкент на рубеже XVIII–XIX вв. фактически являлся теократической монархией с ходжой, т.е. потомком пророка Мухаммада, во главе. В других ханствах такого требования к «дворцовым рабам» не предъявлялось: ни в одном из вышеприведенных примеров о русских, добившихся определенного положения в том или ином ханстве, не упоминается, что они принимали ислам²¹. Более того, есть доказательство

С. 5 ; Сухарева О.А. Бухара конца XIX — начала XX в. М., 1966. С. 284–285.

¹² Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986. С. 124.

¹³ См., например: Веселовский Н.И. Русские невольники в среднеазиатских ханствах. С. 5 ; Яковлев П. Русский капрал — топчи-баши у бухарского хана // Отечественные записки. Ч. XI. СПб., 1822. С. 366–369.

¹⁴ Посланник Петра I на Востоке. С. 125.

¹⁵ Странствование Филиппа Ефремова... С. 17, 20.

¹⁶ Там же. С. 22–23.

¹⁷ Северцов Н. Месяц плена у кокандцев. СПб., 1860. С. 59.

¹⁸ См., например: Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 414 ; Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч, 1669 // Русская историческая библиотека. Т. XV. СПб., 1894. С. 54.

¹⁹ Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб., 1897. С. 164.

²⁰ Неопубликованные записки о поездке горных инженеров Т.С. Бурнашева и М.С. Поспелова через Казахскую степь в Ташкент в 1800 г. / публ. Б.Т. Жанаева // История Казахстана в документах и материалах. Вып. 3. Караганда, 2012. С. 149.

²¹ См., в частности: Веселовский Н.И. Русские невольники в среднеазиатских ханствах. С. 6–7. Конечно,

обратного: вышеупомянутый Егор Щукин в конечном счете был казнен по оговору своих коллег — хивинских чиновников, не пожелавших смириться с тем, что «нечестивый урус» обладает равными с ними полномочиями²².

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что повышение статуса русских пленников зависело практически всегда исключительно от их личных способностей и профессиональных навыков. При этом к числу обязательных условий для занятия той или иной должности принятие ислама не относилось (хотя такие предложения русским пленникам, безусловно, делались). Но существенное изменение в положении, вхождение в ханскую чиновную (или военную) иерархию и приобретение даже некоторых распорядительных функций не влекло освобождения, и, таким образом, складывалась довольно парадоксальная с современной юридической точки зрения ситуация: «неверные» русские рабы приобретали полномочия отдавать приказания и распоряжения

«правоверным» и свободным подданным среднеазиатских монархов.

Однако не следует видеть в этом нечто экстраординарное: традиция привлечения рабов в качестве администраторов или военных имела широкое распространение на традиционном Востоке — достаточно вспомнить, например, гулямов Багдадского халифата или египетских мамлюков — иноземных рабов, порой достигавших высших сановных должностей в этих государствах. Причина их возвышения уже упоминалась выше: нередко правители могли в большей степени положиться на иноземцев, целиком от них зависящих, чем на собственных подданных. Аналогично можно объяснить и привлечение на военную и административную службу русских пленников: чужие в мусульманской Средней Азии, они поневоле должны были как можно лучше справляться со своими обязанностями, чтобы не отправиться опять, подобно большинству рабов, на тяжелые физические работы, выполняя которые долго прожить было невозможно.

Вероятно, эти постоянные опасения, негативное отношение со стороны местных чиновников и военных к «неверным» и заставляли таких «сделавших карьеру» невольников чувствовать себя крайне ненадежно и использовать полученные возможности для побега на свободу.

можно допустить, что они после своего бегства или освобождения могли не афишировать отказ от православия, однако подобная информация могла быть получена от других бывших рабов, так что есть основания полагать, что ислам они все же не принимали.

²² Юдин П.А. Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае. С.В. 417–418.

Литература

1. Арестова О.Н. Общество против террора и экстремизма как основополагающая идея мирного сосуществования и выживания в России и Европе / О.Н. Арестова // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 3. С. 7–10.
2. Веселовский Н.И. Русские невольники в среднеазиатских ханствах / Н.И. Веселовский // Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. Вып. 7. СПб., 1881. 11 с.
3. Галкин М.Н. Показания русских пленных, возвращенных из Бухары в 1858–1859 гг. // Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю СПб., 1868. С. 213–242.
4. Даль В. Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова / В. Даль // Утренняя заря: Альманах. 1839. С. 74–92.
5. Записки купца Жаркова. 1854 г. // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII — середины XIX века. Астана, 2012. С. 498–646.
6. К.А. Бедствия пленных русских у хивинцев // Туркестанский сборник. Т. 149. 1873. С. 117–130.
7. Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть. 1853 г. / пред., подгот. текста, коммент. И.В. Ерофеевой, Б.Т. Жанаева // История Казахстана в документах и материалах. Вып. 2. Астана, 2012. С. 279–372.
8. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб., 1897. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Ignatiev/text1.htm>
9. Михайлов. Голос Хивинских пленных // Нива. 1873. № 30. С. 465–470.
10. Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч, 1669 // Русская историческая библиотека. Т. XV. СПб., 1894. С. 1–91.

11. Неопубликованные записки о поездке горных инженеров Т.С. Бурнашева и М.С. Поспелова через Казахскую степь в Ташкент в 1800 г. / публ. Б.Т. Жанаева // История Казахстана в документах и материалах. Вып. 3. Караганда, 2012. С. 114–169.
12. Перфильев А.Л. О судьбе русских пленных в ханствах Средней Азии (XVIII–XIX вв.) / А.Л. Перфильев // История идей и история общества: Материалы VIII Всероссийской научной конференции (г. Нижневартовск, 15–16 апреля 2010 г.). Нижневартовск, 2011. С. 115–120.
13. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным / подгот. Я.В. Ханыкова. СПб., 1851. 85 с.
14. Познахирев В.В. Основы правового регулирования военного плена в России в конце XVII — начале XX вв.: на примере русско-турецких вооруженных конфликтов / В.В. Познахирев // История государства и права. 2012. № 15. С. 34–36.
15. Познахирев В.В. Организационно-правовые меры противодействия закрепощению военнопленных в России в XVIII — начале XIX в. (на примере подданных Османской империи) / В.В. Познахирев // История государства и права. 2014. № 21. С. 62–64.
16. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986.
17. Северцов Н. Месяц плена у кокандцев / Н. Северцов. СПб., 1860. 159 с.
18. Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 388–445.
19. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию. 3-е изд. Казань, 1811. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Efremov/frameset22.htm>
20. Сухарева О.А. Бухара конца XIX — начала XX в. / О.А. Сухарева. М.: Наука, 1966. 166 с.
21. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 8223. Электронная версия — с сайта проекта «Зеркала» (Zerrspiegel): zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de
22. Юдин П.А. Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае / П.А. Юдин // Русская старина. Т. LXXXVI. 1896. С. 409–429, 521–551.
23. Яковлев П. Русский капрал — топчи-баши у бухарского хана / П. Яковлев // Отечественные записки. Ч. XI. СПб., 1822. С. 366–369.
24. Shakespear R. A Personal Narrative of a Hourney from Heraut to Ourenbourg, on the Caspian, 1840 // Blackwoods Edinburgh Magazine. No. CCCXX. June 1842. Vol. LI. P. 691–714.

Уважаемые авторы!

1. Материалы предоставляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1,5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, обозначенные арабскими цифрами, оформленные в соответствии с действующим ГОСТом). Объем материала не должен превышать 20 000 знаков. Опубликованные ранее или предложенные в нескольких журналах материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Предоставляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. При направлении в редакцию статьи обязательно прилагается заполненное заявление, которое можно скачать на сайте ИГ «Юрист». Плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается.

4. Статья должна содержать:

- а) фамилию, имя и отчество полностью, должность, место работы (без сокращений), ученую степень, ученое звание на русском и английском языках;
- б) название статьи с переводом на английский язык;
- в) аннотацию на русском и английском языках (4–5 строк);
- г) ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);
- д) служебный адрес либо адрес электронной почты (эта информация будет опубликована в журнале);
- е) контактный телефон (для редакции);
- ж) точный почтовый адрес с индексом (для направления авторских экземпляров). Автору предоставляется один бесплатный экземпляр журнала с опубликованной статьей.

Кроме того, в конце статьи автор помещает пристатейный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Обращаем ваше внимание на то, что список нормативных актов располагается по юридической силе и помещается в отдельном списке. Данные, предоставляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

Настоятельно рекомендуем авторам ознакомиться с опубликованными статьями по аналогичной тематике и привести не менее двух ссылок на журналы, входящие в состав объединенной редакции ИГ «Юрист».

5. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, обладать новизной, содержать задачу и описывать результаты исследования, соответствовать действующему законодательству и иметь вывод.

6. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации.

7. При направлении статьи в редакцию для аспирантов и соискателей необходимо приложить рецензию научного руководителя или рекомендацию кафедры, заверенную печатью учреждения.

Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

**При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону: (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru**

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.